

The background of the entire cover is a photograph of a person standing in a bright, yellow-orange doorway at the top of a dark, narrow staircase. The person is holding a flashlight, which is turned on, creating a bright beam of light. The staircase is made of dark wood and has a wooden railing. The walls are dark and textured. The overall atmosphere is mysterious and suspenseful.

HORRORZONE

ГОЛОСА ИЗ ПОДВАЛА

МАКСИМ КАБИР
ПАРФЕНОВ М. С.

HorrorZone

М. С. Парфенов

Голоса из подвала

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Парфенов М. С.

Голоса из подвала / М. С. Парфенов — «Издательство АСТ»,
2021 — (HorrorZone)

ISBN 978-5-17-135151-9

«Байки из склепа» по-нашему! У мальчика Алеши плохая наследственность – его бабушка медленно сходит с ума, но об этом мало кто догадывается. Ничего не подозревающие родители отправляют Алешу в деревню на все лето. А бабушка в наказание за мнимое баловство запирает мальчика в темном страшном подвале. Долгими часами сидит Алеша во мраке и сырости, совсем один, перепуганный и продрогший... пока не начинает слышать «голоса». Они нашептывают ему истории, от которых кровь стынет в жилах. Рассказывают о жизни и смерти, любви и ненависти, предательстве и жестокой мести. Жуткие, но увлекательные рассказы затрагивают в душе что-то такое, что заставляет Алешу вновь и вновь спускаться в затхлую темень, чтобы услышать таинственные голоса...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-135151-9

© Парфенов М. С., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Алеша спускается в подвал	6
Снеговик	9
Лиза	15
НЛУ	21
Бабушка спускается в подвал	27
Улица мертвой пионерки	28
Задание на дом	38
Хуже, чем смерть	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максим Кабир, М. С. Парфенов

Голоса из подвала

*Рэй Брэдбери,
Роберт Блох,
Роальд Даль,
Ричард Матесон,
а также
«Сумеречная зона»,
«Калейдоскоп ужасов»,
«Байки из склепа»
и все-все-все —
спасибо за голоса в моей голове*

Алеша спускается в подвал

Первый раз он очутился в подвале не по своей воле.

Алеше было шесть лет, и он гостил в деревне у бабушки. Годом ранее родители отдыхали там вместе с ним, но в этот раз оставили одного – отец привез в начале июня, а забрать обещал в августе. Мама сказала Алеше, что он уже достаточно большой и без них не пропадет. Сказала, что свежий воздух и солнце полезны для растущего организма, что им с папой надо уладить кое-какие дела, а бабе Нине с внуком «все веселей будет».

Алеша не возражал, ему и в прошлый раз в деревне понравилось. Особенно хороши были бабушкины пирожки, которые так здорово запивать парным молоком, после чего над губой появляются усы из пенки.

Он отправился к бабе Нине с радостью еще и потому, что тем летом родители вели себя странно, неприятно: папа постоянно ругался, а мама часто плакала или тихонько выла без слез. Какие такие «дела» им нужно уладить, Алеша не знал, но догадывался, что все это – ругань, слезы и «дела» – как-то взаимосвязано. Надеялся, что в деревне сможет переждать, а по возвращении все будет как прежде.

Вот только баба Нина тоже стала странной. Много спала и часами торчала у телевизора, даже если тот не работал – тогда она просто сидела в кресле не мигая, вперившись взглядом в матово-черный экран. Еще она иногда забывала, где что из домашней утвари у нее лежит. А однажды, когда к ним во двор заглянула соседка тетя Клава, соли спросить да утречка доброго пожелать, бабушка вместо ответного приветов плюнула соседке под ноги и расхохоталась: на кладбище сходи – дед те отсыплет!

Алеша таким переменам в характере обычно доброй и отзывчивой бабушки удивился, даже расстроился. Но подумал, что, может быть, она просто болеет чем-то – и со временем, когда ей станет лучше, прекратит говорить и делать всякие странные странности. Да и что ему еще оставалось? Лишь скучать и надеяться, что все как-то само собой придет в норму.

В подвал бабушка его заманила хитростью: попросила Алешу принести оттуда горшочек с рассадой. Ты-то, говорит, молодой еще, у тебя-то ножки здоровые, а меня уж коленки вконец измучили. Так ступай, сказала, спустись по лесенке. Там внизу увидишь полочку, на ней – баночки, а за баночками-то как раз и горшочки с ростками. Выбери такой, где желтенький цветочек проклюнулся.

Сам Алеша стылого темного подземелья избегал и мимо дверного проема с ведущими под землю ступеньками старался, гуляя по дому, проскочить пошутее. Прекрасно знал, что ничего там внизу нет, кроме полок с соленьями да горшками, но все равно боялся. Ему еще в прошлом году казалось, что в любой момент из черноты протянется длинная костлявая рука, схватит за волосы и потащит в пахнущую сыростью и мышиными какашками тьму. Но признать в своих страхах Алеша никому не мог – ни маме, ни бабушке, ни тем более отцу. Стыдно было.

Стыдно да страшно. Но ведь и бабушке не откажешь! И главное – Алеша помнил, что мама просила бабе Нине во всем помогать. Говорила, что та уже старенькая и слабенькая. Говорила – правда, уже в другой раз, и не Алеше, а папе, но мальчик услышал и запомнил, – что бабушке недолго уже осталось. Чего там «недолго», Алеша умом не совсем понимал, но сердцем чувствовал, что речь о чем-то не очень хорошем.

Поэтому, собравшись с духом и даже на секундочку зажмурившись, он все же шагнул за порог подвальной двери. Спустился немножко, на пару ступенек, оглянулся в нерешительности на дверной проем, сереющий между темными, почти что черными стенами. Посмотрел на бабушку, которая стояла наверху и казалась необычайно высокой, ну прям великаншей. Хотел

спросить, где тут свет включается: иначе как же ему сыскать нужный горшочек с желтым цветком, если в подвале так темно, что зажмуривайся, нет – все без разницы, ничего не видеть?

– Попался, воришка, – оскалила баба Нина желтые зубы.

И захлопнула за Алешей дверь.

С жутким ворочающимся звуком опустил в железные пазы толстый засов, отрезая путь наружу. Алеша в темноте закричал, заплакал, побежал к двери, принялся колотить по ней кулачками. Кричал, что никакой он не воришка. А яблоко в саду на земле подобрал, только чтобы девочке Фросе подарить, с которой позавчера познакомился, пока по деревне гулял. И что он завтра же найдет Фросю и попросит вернуть яблоко или купить такое же на рынке, если то уже скушала.

– Не ври мне, мальчик, – проворчала из-за двери баба Нина. Таким же злым голосом она соседку на кладбище за солью посылала. – Яблоки тут ни при чем, тем паче зеленые. А ты – ты специально сюда приехал, чтобы пенсию мою красть и в канаве в деревянный сундук складывать! Или думал, что я совсем уже старая, не соображу?

Алеша по малости лет про какую-то «пенсию» вообще ничего не знал. О чем и пролепетал, заливаясь слезами, в еле заметную белую щелочку между дверью и косяком из трухлявого дерева.

– Бреешь, – прошипела старуха с ненавистью. – Бреешь, сучий сын! Посиди-ка подумай, как врать и воровать в другой раз. Только знай, что зимой я в подвале этом двух бродяг схоронила за досками.

Онемевший от ужаса Алеша так и застыл перед запертым входом. А когда очнулся и снова замолотил руками-ногами по двери – баба Нина уже ушла. Шаркающие шаги, удаляясь, становились все глуше, пока вовсе не стихли, растворившись где-то в глубинах дома.

Алеша остался один, дрожа от страха и холода – здесь, в подвале, лето, видать, совсем никогда не наступало, а царила вечная стылая осень.

Какое-то время он еще пробыл возле дверей, прижимаясь лицом к узенькой щели и тихонечко хныча. Потом, смирившись с тем, что его не выпустят, отвернулся и посмотрел вниз – куда спускались ступеньки. И где, если верить бабушке, лежали спрятанные двое мертвецов.

Алеша представил, как раздвигаются доски настила и меж ними высовываются перепачканные землей пальцы. Снизу как будто даже гнилым пахло. Тогда он присел на корточки, обхватил руками колени, сжался в комочек в углу у стены и затих, напряженно всматриваясь в темноту.

Сидел так около часа или даже больше – дрожащий, голодный, зареванный. Прислушивался – к наползающей снизу тишине.

Весь превратился в слух. Слушал, и слушал, и слушал...

Пока не услышал их.

Голоса.

– Здравствуй, мальчик...

– Здравствуй, здравствуй, здравствуй...

Голоса звучали словно бы не в ушах, а внутри его собственной головы. Они не были злыми, они были... никакие. Разные и одинаковые одновременно. И Алеша не мог понять, говорят это дяденьки или тетеньки, дети или старики.

– Здравствуйте, – робко ответил он. – А вы кто – эти самые, кого бабушка тут похоронила?

– Нет, мальчик...

– Нет-нет-нет...

- *Никого здесь нет...*
- *И не было никогда...*
- *Только мы, мы, мы...*
- *А мы тут были всегда...*

Удивительное дело, но голоса действовали на Алешу успокаивающе. Пусть он и не мог понять, кто это говорит, но, по крайней мере, в словах не таилось никакой угрозы. Эхо голосов накатывало плавно, как волны на берег, гипнотизировало, убаюкивало. Уставшего и перенервничавшего Алешу потянуло ко сну.

– Мне холодно, – пожаловался он в темноту.

- *Бывает и хуже, мальчик...*
- *Хуже, хуже, сильно хуже...*
- *Мы расскажем тебе историю... Много теплых-прегретых историй...*
- *Много, много, много...*
- *А ты послушай...*
- *Слушай, слушай, слушай...*

И он начал слушать.

Снеговик

Стоя на коленях, восьмилетний Гришка Сорокин сосредоточенно работал руками. Щеки горели, штанишки намокли, пальцы превратились в сосули и почти не сгибались.

Зато труды его были близки к завершению.

Фигура получалась не очень большая – не то что снеговик на другом краю площадки. Гришка отвернулся, чтобы не видеть толстого уroda, но прекрасно слышал, как носятся с радостным визгом вокруг белого великана Ася, Миша, Максим и прочая мелкота. Ну и здоровенный же он, этот снеговик, раза в два выше любого из детей!

Но им-то лепить родители помогали. Мишкин папа все шутил с мамой Аси, а та звонко смеялась и швыряла в соседа снежки. Отец Максима сбегал через дорогу в магазин и вернулся с маленьким пластмассовым ведерком, которое мужчины водрузили снеговiku на голову вместо шапки, «чтобы не мерз».

Всем двором лепили, короче. А Гришка работал над своей снежной фигурой в одиночку, потому что был «без-ац-ов-щ-ина». И вообще его не любили. Хуже того – жалели.

На площадку опускался вечер. Смех и визг постепенно стихали – взрослые растаскивали малышей по домам. Гришка шлепнул последнюю горсть снега, разровнял и замер, оценивая результаты трудов. Стянув зубами отсыревшие варежки, подышал на замерзшие ладони.

Вылепленную им скульптуру накрыла тень.

– А се ето ти деишь? – Сбоку нарисовалась девчонка в дутой розовой куртке. Чутко повыше Гришки, но только потому, что сам он на коленках стоял. Голубоглазая, светлые волосики выбились из-под вязаной шапки.

Любопытная какая.

– Сардельку леплю, – соврал он и подвинулся, загораживая скульптуру. Почему-то не хотелось, чтобы девчонка разглядела ее в деталях.

– Ну и зопа.

– Сама ты жопа, – обозлился Гришка.

Потом припомнил еще одно гадкое слово и добавил:

– Всратая.

– А у тя сопья падь носем!

– А у тебя...

Не найдясь, чем ответить на дерзость, Гришка решил просто толкнуть нахалку. Чтобы грохнулась «зопой» наземь и заревела, как обычно делает мелюзга в таких случаях. Но пока поднимался с колен, пока разворачивался – глядь, а розовую куртку уж тянет за рукав пожилая тетка.

– Ужинать пора, Мила! Время позднее, пошли – кушать, мультики и спать... О господи! – Баба Лида наконец увидела, ЧТО слепил Гришка в своем углу.

– И не стыдно тебе? – это она уже к нему обратилась.

Вообще бабушка у Милы была добрая. Жила в соседнем подъезде и иногда, встретив Гришку во дворе или рядом с подъездом, угощала леденцами. Но сейчас голос бабы Лиды стал колючим, как замерзшая снежинка.

– Не стыдно, – буркнул Гришка в ответ, утерев заиндевелые сопли.

Баба Лида перевела взгляд с изваяния на скульптора и тяжело вздохнула. Колючесть из ее голоса куда-то пропала, растаяла:

– Замерз небось, Григорий...

– Замез-нибось-глиголий! – пискнула Мила.

Бабушка строго шикнула на внучку:

– Тише, егоза!.. Что ж ты тут кукуешь, Гришка? Мамка в загуле опять, да?.. Может, с нами? Чайку горячего попьем...

Поймав сочувственный взгляд, Гришка аж затрясся всем телом. Глаза защипало, как на той неделе, когда на школьном задворье толстый пятиклассник поймал его и стукнул по носу, а потом маленькая, но очень громкая и болтливая учителька кудахтала и платок совала. А Гришка разревелся как мелкий. Не от боли – от жгучей обиды. От которой глаза горели, вот как сейчас.

– Ты... ты... Моя мама самая красивая, а ты... – Он сжал кулаки и плюнул старушке под ноги. – Да пошла ты!

Лицо бабы Лиды скривилось, отчего морщин на нем стало еще больше. Уголки губ потекли вниз, на щеках под кожей проступили косточки. Будто бумажный лист смяли в комок, а потом расправили. Голос стал совсем ледяным:

– С матерью своей, шалавой, в таком тоне разговаривай!

Она резко развернулась и прошествовала к дверям в подъезд, утягивая за собой слабо упирающуюся внучку. Попутно выговаривала то ли ей, то ли самой себе: «Сколько раз повторять – не играй с Гришкой! Дурной, совсем дурной мальчишка стал, скверный!.. И мать его, проститу...»

Грохнула дверь. С козырька подъезда просыпалась снежная крошка.

– Выдра старая! – крикнул Гришка, запоздало припомнив, как мать называла соседку, когда ругалась с ней из-за чего-нибудь.

Крикнул – и тут же испуганно втянул голову в плечи. А ну как кто из взрослых услышал?.. Папа Максима, например. Ух, тогда Гришке мало не покажется! Он боязливо оглянулся по сторонам, готовый в любой момент дать деру, хотя и понимал, что в случае чего – далеко не убежишь.

Успокоился, увидев, что на площадке больше никого не осталось. Пара припорошенных снегом скамеек, горка-башенка и – снеговик. Такой же громадный, как и прежде.

Падали редкие снежинки. Откуда-то издалека – может, с пятого или шестого этажа, а может, и с соседней улицы – доносилась музыка из новогодней рекламы «Кока-колы», про праздник, который приходит.

Гришка нагнулся, стряхнул с коленей подтаявшие белые хлопья. Вернулся по хрустящему снегу к своей «сардельке». Не заметив, как в быстро сгущающихся сумерках медленно повернулась ему вслед голова снежного гиганта.

Слепленная копия получилась неточной, но все-таки напоминала ту «штукенцию», которой дядя Ашот, достав из штанов, тыкал сегодня Гришкиной мамке в лицо. Взрослые пили водку. Дядя Ашот разделся по пояс, у него были синие от татуировок плечи. Когда дядя Ашот начал гоняться по квартире за мамкой, его волосатый живот колыхался вверх-вниз, вверх-вниз, а мамка громко смеялась. Не так звонко и весело, как Асина мама, – мамкин смех был хриплым, грубым. Казалось, об него можно поцарапаться. Кашляющий же, сиплый хохот дяди Ашота напоминал звуки затрещин – уж чего-чего, а этого добра у мамкиного хахаля для Гришки всегда хватало.

Он даже обрадовался, когда его выгнали «идигулять» – мерзнуть зимним вечером на улице все приятней, чем слушать, как взрослые пыхтят в соседней комнате на разложенном старом диване. И представлять, куда еще дядя Ашот сует свою «штукенцию».

Постояв с минуту в раздумьях над снежным изваянием, Гришка выудил из штанишек собственную маленькую «штучку». Помял ее немного пальцами, наводя прицел. Затем глубоко вздохнул и постарался расслабиться. Внизу зажурчало, желтая струйка начала плавить скульптуру. Снежная «штукенция» прямо на глазах становилась все меньше, как будто ее обдавали кислотой. Рукам Гришки стало тепло. Поднимался пахучий пар.

Закончив, Гришка спрятал «штучку» обратно в штаны. Глянул вниз, на снежные развалины, и как следует припечатал остатки «сардельки», размазывая их в жидкую желтую кашицу

меж двух шаров. Шары у него получились похуже, слишком большие, а главное – без волос, но где ж их достанешь, такие, как у дяди Ашота?.. Шарики Гришка тоже растоптал, вымещая накопленную на весь белый свет злобу.

Вдруг в спину ему прилетел снежок.

Гришка вздрогнул от неожиданности. Оглянулся – никого.

Уже совсем стемнело. Из немногочисленных горящих окон многоэтажки лился слабый лимонный свет. Снеговик, продолжавший неподвижно стоять на своем краю площадки, отбрасывал длинную синюю тень.

Гришка повернулся обратно. С трудом просунул в затвердевшую от холода варежку руку.

Еще один снежок ударил в плечо, заставив пошатнуться и выронить вторую рукавичку. Снежные брызги цапнули щеку, ледяная крошка попала за шиворот.

Да что ж такое-то, а? Мальчик с решительным видом подошел по хрустящему насту к снеговiku. Внимательно посмотрел наверх, на круглое белое «лицо» самодовольного идиота. Нарисованная улыбка до несуществующих ушей, обмерзлая морковная гнилушка вместо носа. Пуговичные глаза поблескивали в сумраке как живые. Снеговик смотрел свысока на Гришку, как бы говоря: «Дурной мальчишка, совсем дурной. Скверный».

И еще это дурацкое ведро-колпак, криво посаженное на голову, – бесит!

Озаренный внезапной догадкой, Гришка резко нагнулся, чтобы посмотреть, не прячется ли кто ЗА снеговиком.

Пусто...

Он разозлился пуще прежнего. Встав на цыпочки, вытянул руки и вырвал из снега морковку. Забросил ее в темноту, куда подальше, затем сломал руки-ветки – сначала одну, потом другую. Подпрыгнув пару раз, со второй попытки сбил верхний снеговой шар, «голову». И едва успел отскочить, чтобы полетевшее вниз ведро не врезало ему самому по темечку. Не успокоившись и на этом, Гришка поддал ведро ногой – так, что оно укатилось за пределы площадки, а мелкие кусочки пластмассы полетели в разные стороны. Принялся скакать на упавшей «голове», представляя, что топчет даже не снег, а лица соседей и их детишек. Розовощекую Милку. Пискающую Асю и ее смешливую маму. И Максима с папашей, и Мишку... всех их.

И бабу Лиду с ее гадскими, источающими обидную жалость старушечьими глазками.

Наконец уставший, но удовлетворенный, Гришка остановился. Отдышавшись, глянул в сторону дома – горят ли окна их с мамкой квартиры? Там ли еще дядя Ашот? Закончилась ли уже водка?.. Возвращаться, конечно, не хотелось, но и делать на площадке больше вроде как нечего.

Ну, разве что еще разок с горки скатиться.

Он направился к башенке. Сделал несколько шагов – в накрывшей округу тиши снег под ногами хрустел особенно громко.

Даже как-то слишком.

Гришка замер, насторожившись. Хруст стих, но, как показалось мальчику, чуточку позже, чем должен был.

Он сделал еще пару шажков – медленно, прислушиваясь к хрусту.

Еще шаг. Еще... Резко развернувшись, Гришка чуть не заорал со страху.

Снеговик стоял, возвышаясь всей своей громадиной прямо перед ним, буквально на расстоянии вытянутой руки. Круглая голова снова была на месте, и нос-морковка торчал почерневшим свиным пятаком. Только разбитого пластмассового ведерка не хватало.

И снеговик больше не улыбался – пуговичные глаза пялились на Гришку, как тому показалось, с холодной ненавистью.

Потом белый великан захрустел всем своим снежным телом и наклонился вперед.

Вскрикнув, Гришка кинулся к ближайшему укрытию – мимо пустующих скамеек, по развалинам «сардельки». Слыша, как громко и часто – слишком часто и панически громко! – хрустит снег.

Нырнув за горку, он прижался спиной к ведущей наверх, в «башню», лесенке и затаил дыхание. Преследователя Гришка не слышал, зато в ушах и груди стучало так, словно целый оркестр барабанщиков концерт закатил.

Будь Гришка чуть старше, он бы сейчас мог задуматься о том, как вообще такое возможно, чтобы снеговики гонялись за детьми. Но ему было всего восемь, и в его маленьком мире чудовища могли таиться в пыли под кроватью или за одеждой в стенном шкафу. Порой чудовища даже заходили в гости к мамке, чтобы показывать ей свои мерзкие «штукенции».

И, да, громадные снеговики-убийцы тоже были частью этого мира.

Но вечно прятаться от чудовищ нельзя – это Гришка в свои годы уже понимал. Если слишком долго лежать, боясь заглянуть под кровать, – можно надуть в постель и получить нагоняй. И потом, он ведь маленький и юркий, а снеговик, конечно, большой, но не такой, как папа Максима или другие взрослые... Скорее такой же, как дядя Ашот – толстый, неповоротливый, только без синих татуировок и без волос.

Ну, потому, что снеговик вообще не человек.

И самое главное – не дать ему подкрасться незамеченным.

Гришка осторожно выглянул из своего укрытия. Сначала с одной, потом с другой стороны от лесенки. Пусто. Снежное чудовище не стояло на прежнем месте, но не видно его было и где-то еще.

А если оно ПОД горкой?..

Еще медленнее Гришка нагнулся, чтобы посмотреть в сгустившуюся за лестничной решеткой тьму.

Никого!

Выдохнув, он обернулся – и получил холодный мокрый снежок прямо в лицо. Снег набился в нос, попал в глаза, ослепил. Гришку охватила паника – шарахнувшись, он наугад потянулся руками к лесенке, ухватился за одну перекладину, другую и быстро вскарабкался наверх, в деревянную башню на вершине.

Здесь, прижавшись к тощей дощатой стенке, мальчик захныкал, утирая глаза единственной оставшейся у него варежкой:

– Я больше так не буду, не буду, не буду, небуду-небуду-небуду...

Теперь Гришка плакал не от смущения или обиды. Теперь он плакал от страха. Ему представлялось, что через секунду безумное снежное лицо появится в проеме входа и колкие ветки, прошив ткань куртки и старого свитера, вонзятся ему в самое сердце. Единственное, что удерживало Гришку от прыжка в другую сторону, на скат с горки, – понимание, что НА САМОМ ДЕЛЕ снеговик вполне может поджидать его как раз там, внизу.

Немного успокоившись, Гришка подумал, что, видимо, белому великану сложно забраться вслед за ним – ног-то у него нет, никто не догадался вылепить.

В таком случае здесь, в башенке, Гришка находился в безопасности.

Он прекратил хныкать и прислушался.

Внизу, где-то у подножия горки, хрустел снег. Где конкретно – Гришка определить не мог. Звук становился то громче, то тише, словно кто-то бродил вокруг укрытия.

– Замерз небось, Григорий, – раздался снаружи знакомый голос.

Баба Лида?.. Гришка не верил своему счастью. Может, добрая старушка все же простила его и вышла проверить, услышав шум с детской площадки? Может...

– Может, с нами? Чайку...

Ох, сейчас бы он с радостью и чая горяченького выпил, и сладкими леденцами заел. Гришка опустил на живот и пополз на голос, к скату с горы. Высунул нос наружу – да только опять никого не увидел. А голос раздался уже справа, из-за бортика горки:

– Дурной мальчишка! Скверный!

А потом вдруг слева:

– *Стишок про зайца знаешь? Не при детях будет сказано...*

Это уже голос Мишкиного папы был, его шутливые интонации. Гришка не понимал, что происходит. Вертел головой в одну сторону, в другую, вытягивал шею, но все напрасно – голоса взрослых слышались то тут, то там, но на площадке их самих не было. Вот тихо, шепотком, мужчина и женщина:

– *Имбецил-то, видала? Опять тут кукует...*

– *Сдать бы в опеку его...*

– *Вместе с мамашкой...*

– *Шалавой...*

– *Пьянь подзаборная... Что еще от такой уродиться могло?*

– *И от кого...*

В самый последний момент до Гришки дошло – это все снеговик. Выманивает, отвлекает... Мальчик резко обернулся и увидел, как сверху, с островерхой крыши, в проем опускается громадная белая голова с блестящими точками-пуговицами вместо глаз и широко распахнутой черной пастью.

– А У ТЯ СОПЬЯ ПЯД НОСЕМ! – завизжал детским голосом снеговик.

– Мамка! – заорал Гришка, кубарем скатываясь по скользкой поверхности.

Разогнавшись, он проскользил по укатанному снегу еще пару метров, до развалин своей скульптуры, где и замер, уткнувшись носом в желтый снег. Снег набился ему в рот, в рукава, за шиворот. В ушах стоял звон, перед глазами все кружилось.

* * *

– Гри-иша! – услышал он хриплый мамкин голос, доносящийся откуда-то издалека.

Гришка перевернулся на спину.

Последним, что он увидел, был громадный снежный шар, несущийся на него сверху по скату горки.

* * *

...Бодрствующих окон в доме уже почти не осталось. Площадка погрузилась во тьму.

– Гри-иша! Гриша, ты где?..

Дрожащее пятно света метнулось в одну сторону, в другую, выхватывая то горку, то скамейку. Шатающейся походкой на площадку вышла, поводя вокруг мобильным с включенным фонариком, молодая брюнетка в расстегнутом пальто, накинутом прямо поверх домашнего халата.

– Гри-иша!..

– Да брось ты, – оборвал хриплый мужской голос, тоже не очень трезвый. – У соседки вашей завтра найдем, у карги старой...

– Отстань, Ашот! – истерично взвизгнула женщина. – Вот просто отстань и... Гриша?

В слабом свете на краю площадки показалась темная фигура с неясными очертаниями. Когда парочка подошла ближе, стало понятно, что это всего лишь снеговик.

– Видишь? Нет его тут. – Мужчина приобнял подругу за плечи, мягко развернул в сторону дома. – Давай-давай, а то как бы самим не околеть. Завтра разберемся...

Снеговик провожал их безумной улыбкой самодовольного идиота. Глазки-пуговицы чуть поблескивали в темноте, а округлые снежные бока лоснились, как у довольного сытого кота.

Там, внутри, под толстым слоем снега, постепенно растворялся Гришка. Его кости превращались в лед, кровь замерзала, а кожа и плоть становились снегом. Окруженный со всех сторон белым сиянием, Гришка ничего не слышал и не видел. И совсем-совсем не чувствовал холода.

Наоборот – впервые за всю его короткую маленькую жизнь Гришке Сорокину сейчас было по-настоящему тепло.

– Вот видишь, мальчик?..

– Понимаешь теперь, что такое настоящий холод?..

– Представляешь, насколько нужно заledenеть внутри, чтобы не чувствовать, как замерзаешь снаружи?..

– Бр-р-р...

– Зато Гриша наконец поиграл с кем-то в снежки...

– Снежки сами с ним поиграли...

– Бр-р-р!..

– Но это не все, что мы можем тебе рассказать про игры...

– Не все, не все, не все...

– Это только начало...

Лиза

– Ну, вот так я и живу, – сказала Марина, завершив экскурсию.

Эльдар рассеянно кивнул. Его взгляд блуждал по девичьей спальне, и все эти милые дамские безделушки: косметика, залепленный стикерами ноутбук, панды на простынях – казались ему чем-то чужеродным в огромной угрюмой комнате. Постер с модной рок-группой наполовину отклеился от обоев, словно толстые стены отторгали сиюминутное, предпочитая вечность, темноту кладовок, ледяной холод паркета. Батареи не хватало, чтобы согреть пространство, не согревали его и сердечки со смайликами. Вещи молодой хозяйки были лишь цветным островком посреди безразличного серого океана.

– Тебе не понравилось? – спросила Марина.

– Ну что ты, – пробормотал он, рассматривая потолок, гирлянды из лавра на карнизах, тяжеловесную люстру, не вписывающуюся в интерьер.

– Никак ее не поменяю, – смутилась девушка.

– Уютно, – соврал Эльдар. Потрепал по прическе одну из взгромоздившихся на полку кукол. Дорогостоящие куклы напомнили, что их владелица совсем недавно была ребенком. – Кучерявая похожа на тебя.

Марина ткнула его в ребра.

– Идем чай пить.

В конце извилистого коридора темнел арочный вход в гостиную. Эльдар замешкался, представив крошечную фигурку там, во мраке. Машинально потрогал рубец под челкой. И пошел за Мариной, озираясь.

Отношения тридцатидвухлетнего Эльдара и двадцатидвухлетней Марины длились полгода, но в гости к ней он попал впервые. Марина жила далеко и от него, и от их совместной работы, на окраине города, где он сам обитал в детстве. К тому же жила с мамой, а подобные знакомства Эльдар откладывал до лучших времен, желательно до дня свадьбы. Встретаться на его территории было выгодно обоим.

– Завтра ты ночуешь у меня! – объявила девушка накануне.

– А будущая теща? – напрягся он.

– У бабушки до понедельника.

Он сдался. Он не знал про витую люстру и высокий потолок с карнизами. Черт подери, он выбросил их из памяти.

– С тобой что-то не так, – констатировала чуткая Марина.

Эльдар отодвинул от себя чашку.

– Когда вы сюда переехали?

– Дай посчитать... – Марина нахмурила свои идеальные брови. – Родители развелись в две тысячи седьмом. В две тысячи восьмом, получается. А что?

На языке Эльдара вертелся следующий вопрос: не сталкивалась ли юная Марина с чем-то странным, необъяснимым в этих стенах, в этих населенных тенями комнатах? Но он спросил о другом:

– Кто здесь жил до вас?

– Учительница, – без запинки сказала Марина, – она еще у моей мамы преподавала. Продала квартиру с хорошей скидкой, теперь на ПМЖ в Германии. Дореволюционное здание, нынче такие на вес золота. А почему...

– Помнишь, как ее звали, учительницу?

– Хм... Лариса. Лариса Михайловна. Или Сергеевна. Семенова, точно.

– Семина, – поправил Эльдар, косясь в коридор. – Семина Лариса Сергеевна.

– Откуда ты ее знаешь? – изумилась Марина.

– Я уже был в этой квартире. В девяносто пятом году. Семина давала мне уроки английского.

Марина моргнула недоверчиво. Но мгновение спустя прыгала по кухне от избытка чувств.

– Ты! Шестиклассник! В моей спальне! А я в животе у мамы, жду тебя! Потрясающе! Эльдар выдавил улыбку.

– А ты не разыгрываешь меня? – осеклась девушка.

Над ней колыхнулась марлевая сетка, маскирующая вентиляционное отверстие, будто изнутри кто-то выдохнул.

– Как такое можно придумать?

– Тогда... – Она села ему на колени, обвила шею: – Ты понимаешь, что это судьба?

Они допили чай и переместились в спальню. Выбрали кино для традиционного вечернего сеанса: «Москва слезам не верит», фильм, который она, оказывается, не видела и который они смотрели частями вот уже третью встречу подряд. Эльдар успешно приучал подругу к советской классике.

Встроенная в соляной куб лампа сплела вокруг них кокон света. Выпростай руку – и пальцы исчезнут во мраке. Легко вообразить, что до стен и потолка сотни метров, что квартира змеится лабиринтом туннелей, и в них тьма и холод, шорох и шепот, и быстрая маленькая тень пронесится, стуча босыми пятками по паркету.

– Тебе никогда не было страшно здесь? – поинтересовался Эльдар нарочито буднично. – Такой древний дом.

– Дом как дом, – сказала Марина. Поджав ноги, свернувшись рядышком, она с ученической прилежностью слушала диалоги героев. «Смотри, как я люблю то, что нравится тебе», – говорила ее поза. Он улыбнулся и погладил Марину по мягким волосам. Достал из миски пригоршню орешков.

Его память отматывала прожитые годы: полный отказ от спиртного, развалившийся брак, постоянные ссоры с женой и алкоголизм, должность в офисе, счастливые молодожены, университет...

Девяносто пятый год.

* * *

Гипс сняли в мае, к летним каникулам. Весны восхитительнее у Эльдара не было. В отличие от матери он не проклинал пьяного водителя, вылетевшего на красный и ставшего причиной незапланированного двухмесячного отдыха. Кости срослись, головные боли прекратились. Впереди маячил июнь, игры с друзьями, походы на озеро, рыбная ловля и, если повезет, Сочи.

Но мать «обрадовала», сообщив, что с первого числа он будет трижды в неделю посещать репетитора.

– По математике я тебя подтяну, а английский нужно догонять. Троечников в семье не потерплю.

– Но сотрясение мозга, – запротестовал он.

– Я консультировалась с врачом. Ты здоров как бык. И никаких «но», молодой человек. Я подыскала учителя. Методиста, между прочим.

Поникший Эльдар брел за матерью по необычайно крутым ступенькам. Подъездные перила годились, чтобы скатываться на санках.

Дверь на четвертом этаже отворила статная плечистая женщина с каменным лицом. Белоснежная коса, поджатые губы, глухое коричневое платье. Эльдар прикинул, что ей лет пятьдесят – шестьдесят: в возрасте взрослых он ориентировался слабо. От репетитора пахло духами,

но мальчику чудился запах мела, мышиного помета, пыльных книг без картинок – всего самого скучного и заурядного.

- Вот, привела вам бойца, – подтолкнула его мама: – Лариса Сергеевна Семина. Эльдар.
- Hello, young man, – грудным голосом сказала репетитор. – Я полагаю, мы сработаемся.
- Ага, – он робко переступил порог.

Размеры квартиры подавляли. Он не видел прежде таких потолков, такого старинного паркета. Коридор был уставлен книжными стеллажами, чтобы взять томик с верхней полки, даже Ларисе Сергеевне пришлось бы использовать стремянку. Темнота в углах походила на черные улы, и Эльдар думал о шуршащих кожистых крыльях, о восковых огарках и ветре, поющем в дымоходе. А потом он заметил ее.

Девочку в дверном проеме слева по коридору. Ровесница Эльдара, рыжая и взлохмаченная; от одного взгляда на нее гостю сразу захотелось улыбнуться. У девочки были широко расставленные глаза и много-много веснушек, белая не то футболка, не то сорочка почти не скрывала голые тонкие ноги с расцарапанными коленками.

Эльдар махнул ей приветливо, и она помахала в ответ.

- Sit down at the table, please, – пригласила Лариса Сергеевна отвлекшегося ученика.

Кабинет репетитора был прохладным и мрачным, не верилось, что за плотно занавешенными окнами солнечный летний день. Мальчик то и дело терял нить урока, рассматривая орнамент на потолке, массивную люстру в паутине. Лариса Сергеевна возвращала к достопримечательностям Лондона настойчивым покашливанием.

Через сорок пять минут он обувался в прихожей. Учительница звонила маме, он слышал обрывки фраз.

- Способный... но несобранный...
- Привет. Ты кто?

Мальчик вздрогнул от неожиданности. Рыжая девчонка стояла над ним, ковыряя ногтем штукатурку.

Острые коленки, острая лисья мордашка. Кудри цвета осенней листвы.

- Привет. Я Эльдар. Я сюда на английский хожу. К твоей... бабушке.
- Ну что, – вклинилась в разговор Лариса Сергеевна. – I'll see you on Wednesday.
- Я Лиза! – крикнула девочка вслед.
- Рад позна... – Дверь перед ним захлопнулась.

В среду Лиза встречала его, прячась за спиной репетитора. Теребила подол коричневого учительского платья и смеялась серыми, с искрой, глазами.

Он поздоровался с Ларисой Сергеевной, а Лизе подмигнул. Эффектное подмигивание он репетировал целое утро.

- Helper, – говорила учительница.
- Helper, – повторял он.
- Хеееельпер, – передразнивала Лиза из-за стены.
- Illustration.
- Illustration.
- Иллюстрааайшен, – страшно басыла Лиза.
- Да что с тобой? – цыкала на Эльдара Лариса Сергеевна, и он кусал губы, чтоб не хихикать. И удивлялся, что у такой строгой бабушки такая разбалованная внучка.

Ему понравилось ходить на занятия. Да что там, он мчался на них, только бы перемигнуться с Лизой в прихожей, послушать, как она валяет дурака. Иногда она забиралась в кабинет и сидела под кадкой с алоэ, глумливо копируя незадачливого ученика:

- Ай инджой фишинг энд футбол! Он зе викендс ай волк...

Порой Эльдар обнаруживал в своем конспекте рисунки. Примитивные каракули, но что еще можно нарисовать впопыхах, чтобы никто не увидел?

«И как ей удалось?» – гадал мальчик.

Однажды, торжественно и словно бы в замедленной съемке, Лиза прошла мимо кабинета на четвереньках, высоко подбрасывая конечности и выкручивая голову. В тишине – лишь Лариса Сергеевна бубнила под боком. Неизменная белая сорочка задралась, демонстрируя бежевые панталоны.

Эльдар прыснул от смеха, и репетитор насупилась гневно.

Мама – видать, Лариса Сергеевна наябедничала по телефону – отругала его, но он не сдал Лизу. Он считал ее своим другом, хотя они ни разу не поговорили нормально.

Как-то учительница отлучилась из кабинета.

– Я на минутку. Междугородка, сын из Германии звонит.

Эльдар выбрался на цыпочках в коридор.

– Эй, – шепотом позвал он.

– Я тут. – Лиза вынырнула из-за спины.

– Вот. – Он вручил ей упаковку сушеных бананов.

– Спасибо.

Повисла неловкая пауза. Он спросил:

– У тебя есть приставка?

Вместо ответа девочка дотронулась до его лба, до синеватого рубца. Рука у нее была настолько холодной, что Эльдар едва не отпрянул.

– У меня и на ногах есть, – хвастливо проговорил он. – Показать?

Под заинтригованным взглядом Лизы он откатал штанину.

– Ого, – присвистнула она. – А показать мой шрам?

– А то!

Лиза подняла подбородок.

– Это от веревки, – сказала она.

Он открыл было рот, но из кухни вышла Лариса Сергеевна. Смерила детей неодобрительным прищуром и продефилировала в кабинет.

Дома взволнованная и бледная мать обняла Эльдара и вкрадчиво спросила:

– С кем ты разговаривал у Ларисы Сергеевны?

– С Лизой, а что?

Мама смотрела пристально и напряженно, точно сканировала его мозг.

– Какая Лиза?

– Внучка Ларисы Сергеевны...

– Чушь. – Мама изучала шрам на его лбу. – Ты разговариваешь сам с собой?

Он отстранился, пораженный.

– Я разговаривал с Лизой!

– Лариса Сергеевна живет одна! Нет никакой Лизы...

Он лихорадочно пытался сообразить, о чем мама твердит.

– У тебя снова болит голова?

– Ничего у меня не болит! – рассерженно воскликнул Эльдар, – А твоя Лариса Сергеевна обманщица!

Он распахнул конспект на странице с карандашным наброском. Мальчик, девочка и кто-то третий позади них – оранжевый великан с распростертыми ручищами. От схематических запястий спускаются ниточки, они окольцовывают детские шеи, будто ошейники.

– Вот! – Эльдар швырнул маме конспект. – Это рисунок Лизы!

Мама вернула тетрадку и сказала утомленно:

– Хватит дурачиться. Здесь ничего не нарисовано.

– Здесь? – Он тыкал в картинку, в девочку с красными черточками шевелюры на кругляше головы. – Здесь?!

– Ты представляешь, как ты напугал меня своими идиотскими шутками?

– Но ма...

– Марш в комнату. И если Лариса Сергеевна опять пожалуется...

Вечером он испробовал конспект на друзьях. И наконец-то понял. Озарение, от которого мир закружился и понесся на него обезумевшим автомобилем. Для всех, кроме Эльдара, листочек в тетрадке был чист. Для всех, кроме него, Лизы не существовало, потому что она...

– Призрак, – произнес вслух схоронившийся под пледом мальчик, и за окном протяжно завыл пес.

В понедельник она не появилась. Он прислушивался к шумам из гостиной. Холод покалывал ступни.

– Эта тема ясна? Вопросы?

– Лариса Сергеевна, – осмелился он. – У вас была внучка?

– Что значит «была»? Она и есть. Настенька. Ей девятнадцать, учится в Германии...

Он потупился, сбитый с толку. Лиза сидела под столом, в полутьме ее зрачки по-кошачьи сверкали.

– А раньше, – не узнавая свой голос, спросил Эльдар, – тут жила рыжая девочка моего возраста?

– Ну, – усмехнулась Лариса Сергеевна, – дому сто лет, наверняка в нем жили девочки, и рыжие в том числе.

Негнуцимися пальцами он зашнуровывал кеды. Лариса Сергеевна наблюдала, прислонившись к косяку, и планировала, вероятно, как именно откажет маме Эльдара в своих услугах. Поодаль, лицом к стене, стояла Лиза. Руки по швам, плечи поднимаются и опадают. Она произносила его имя снова и снова, снова и снова...

* * *

– Ты уснул, что ли? Фильм закончился.

Он зевнул, размял задеревеневшие мышцы.

– Понравился?

– Очень. Только этот Гоша такой мудака! Я в семье главный, я решаю... Это же натуральный сексизм.

Эльдар хмыкнул и поцеловал Марину в ключицу.

– Давай спать.

Пока Марина была в ванной, он размышлял, а не рассказать ли, что в детстве у него была выдуманная подружка. Что после сотрясения мозга он галлюцинировал наяву, недолго, меньше месяца, и что в двадцать два, перебирая хлам, наткнулся на тетрадь по английскому, но сжег ее не листая.

Нет, в другой раз.

– Оставь, – попросил он, когда Марина склонилась над лампой.

– Боишься темноты? – улыбнулась она.

– Боюсь убиться по дороге к туалету.

Старый дом кряхтел и постукивал, урчали трубы, у соседей – а будто бы в соседней комнате – скрипел паркет. Но тревога покинула Эльдара. Рядом лежала Марина, ее теплая ладонь скользила по его торсу, по животу, за резинку плавок. Нашла, деловито помассировала.

– М-м-м, – промурлыкала она мечтательно. Стянула трусики, оседлала Эльдара. Поерзала попкой, примеряясь, и со вздохом опустилась на него.

– Любимый...

За ее ладным, быстродвигающимся телом клубилась непроницаемая тьма. Мох на стенах, сталактиты и летучие мыши под сводами пещеры. Но в кругу света им было хорошо, и Эльдар поймал упругую грудку с твердым камушком соска и застонал.

– У нас были бы красивые дети, – сказала Марина, поглаживая его по лбу.

– Мальчик и девочка, – сонно проговорил он.

– Как бы мы их назвали?

– Мальчика – Гошей.

– А что? Георгий. Солидно.

– А девочку... Елизаветой.

Он проснулся ночью, все еще ощущая на руках тяжесть новорожденной двойни. Марина спала, повернувшись к нему спиной. Он привстал, и что-то захрустело под локтем. Целлофан? Эльдар нащупал липкий пакетик, извлек. Прочитал надпись «Сушеные бананы» на упаковке. Увидел клочковатую зеленую плесень внутри.

Тоненький детский плач заставил его похолодеть. Сердце загрохотало. Он зажмурился, ущипнул себя. Не помогло. Одеяло между ним и Мариной вздулось горбом, плач доносился прямо из кровати.

Захлебываясь ледяным страхом, он отбросил край одеяла.

Лиза сидела в гнезде из скомканных простыней. Та же маленькая девочка с копной рыжих волос. Но теперь в волосах запутались дождевые черви и жирные личинки, а молочная кожа стала серой и осклизло переливалась. По одутловатым щекам мертвой девочки текли мутные слезы.

Крик застыл в горле Эльдара.

– Папа, – прошептала Лиза с горечью и обидой.

– Папа! – сказала она громче.

– Папочка!

Ее визг зазвенел в комнате, отразился эхом, и тогда Эльдар понял, что она смотрит поверх его головы и обращается к тому, кто стоит у него за плечом. Затылок обдало горячим смрадным дыханием. Он не успел оглянуться: веревочная петля обвила шею под кадыком и огромная лапа схватила за лицо.

Лиза взобралась к нему на бедра, запрыгала, ударяя ладошками по его ребрам. Свет гас, тьма наплывала, тьма пожирала Эльдара. И там, во тьме, в сумеречных закоулках пустой квартиры, они с Лизой начали играть.

– Тебе сейчас страшно, мальчик?..

– Страшно, страшно, страшно...

– Призраки пугают...

– Пугают, пугают...

– А Лиза такая милашка – напугает и взрослого, не то что мальчика...

– До смерти...

– Смерти, смерти, смерти...

– Но тебе ведь не только страшно...

– Тебе ведь и интересно, правда?..

– Тебе нравятся наши истории...

– Нравятся, нравятся, нравятся...

– Особенно про детей...

– И у нас есть еще одна...

НЛУ

– А я НЛУ видел, – сказал Бориска.

Так и ляпнул: «нэ-лэ-у». Прошлепал коровьими губищами, да с таким важным видом, что Вагит в голос заржал. Тимур и вовсе закашлялся, подавившись конопляным дымом.

Даже Леха с Машкой, и те, видать, услышали. Белобрысая Лехина башка высунулась из-за угла кирпичного гаража. Рот, еще минуту назад слюнявивший Машкину шею, расхлестался в зубоскалой улыбке.

– НЛУ? Серьезно?

Вслед за башкой появился сам Леха, целиком. Походка расхлябанная, с ленцой. Повел носом, вцепился взглядом в Тимура. Тот, утерев слезящиеся глаза, протянул косяк приятелю.

Яркое полуденное солнышко плескалось в луже меж рядами гаражей, брызгало зайчиками на мелкий гравий, потертый кирпич и ржавеющие ворота. Настроение – не до учебы.

– Угу, – промычал Бориска. Был он и правда точь-в-точь бычок-переросток. И говорил медленно растягивая гласные.

За гаражи зашла, поправляя на ходу кофточку, Машка. Окинула снисходительным взором всю компанию, остановила взгляд на Бориске.

– А я НЛУ видел, Маша...

– Да чо ты заладил, дурень? Нэлэо, шмэлэо... Кто его не видел? – выпустив из легких дым, просипел разомлевший Леха. – Уже и по ящику трындят, что метеор в чаще за Куренями упал – ученые осколок откопали.

– Не-е, – покачал головой Бориска. – В Куренях не метяйрит упал. Это кусок НЛУ отвалился.

– «Метяйрит»! Слышь, Леха? Метяйрит! – Вагит хлопнул себя ладонью по коленке. Присел на корточки, чтобы не упасть со смеху. – Ты-то откуда знаешь, Бориска, что... ой, не могу... что не... метяйрит?..

– Они сказали. Ну те, из НЛУ. Что у них фиговина какая-то оторвалась, когда это... в сратосферу входили.

– В сратосферу! Во дает, е-мае!

– Ну конечно, куда ж еще, – усмехнулся Леха, шурясь по очереди то на Бориску, то на Машку. – А вы чо думали? Серые человечки, Борька с ними за свояка! Хапнули нашего Борьку к себе в тарелку, чтоб мозг человеческий изучить, да только обломались – мозга не обнаружено. Вот и вернули, а он теперь ходит, хвастается...

– Никакие не серые, – сказал Бориска. – Зеленые они.

Тимур просвистел мотивчик из «Секретных материалов». Вагит снова разразился громким хохотом.

– Ах, простите, обознатушки, – подмигнул Леха друзьям. – Ты, Борька, лучше скажи, они те анальный зонд чо как, сразу в очелло присунули, в один присест или ласково, потихонечку?..

– Прекрати, Леш, – сказала Машка. – Ведешь себя, как мудака. Все вы.

– Эхскузе муа. Дернешь? – В знак примирения он предложил ей косяк.

– Сами травитесь.

– Ну и ладно, нам больше достанется. Слышь, Тимка, давай в паровозик.

– Мне пару напасов оставьте, бродяги! – рявкнул Вагит, глядя за тем, как Тимур и Леха прикладываются с двух сторон к самокрутке. Вид у него был как у человека, месяц сидевшего на диете и вдруг очутившегося в шашлычной, разве что слюни голодные изо рта не текли.

Маша подошла к Бориске, погладила по щеке:

– Не обижайся. Дураки они.

Бориску она жалела – был он не из их компании... да и вообще не из чьей компании. Для сверстников слишком здоровый, великан среди лилипутов. А для ребят постарше, вроде Лехи или Вагита, – слишком тупой.

На самом деле Бориска был не шибко глупее других детей своего возраста, но из-за богатырского телосложения казался умственно отсталым. Старшие его так и звали – Бориска-дурачок. Машка же всегда относилась к здоровяку как к брату – знала, что тот рос без матери. У самой Машки, напротив, отец бросил семью, когда сама она еще под стол пешком ходила.

– Когда-нибудь, – шепнула она на ухо Бориске. – Ты станешь знаменитым баскетболистом, уедешь в Москву... и меня с собой забереешь на хрен отсюда.

– Ну ты глянь на них, любовь прям, – процедил Леха сквозь зубы. – Слышь, Мах? Ты только не целуйся с обсосом этим. Он же в том году собачьи какахи сушеными ел.

– Не е-е-ел! – обиженно промычал Бориска.

– Отстаньте уже от него, придурки, – Машка сама обозлилась. – И вообще, заканчивайте с вашей дрянью скорее, пока кто-нибудь в гаражи не пришел.

– Да кто сейчас сюда сунется? – хмыкнул Вагит. – Все, кто не работает – в Куренях, метеорит искать помогают.

– НЛУ...

– Господи, дебилоид, да заткнись ты уже, – сплюнул Леха. – Только дерьмоед вроде тебя и может в такую чушь верить.

– Я не дерьмое-е...

– Ша, погодите, – поднял руку Тимур.

Тимур был самым старшим из всех, на год старше Лехи. Да и травку добывал именно он через своих каких-то крутых знакомых, так что остальные ребята в компании к нему прислушивались.

– А что, если пацан дело говорит? Может, и правда что видел?

– Тогда его в полицию вести надо, – сказал Леха. – Пусть там свои басни про инопланетян травит. Вопрос в том, кто поведет? Ты, Тимка? Или Вагит?.. Лично я – пас.

– А чо сразу Вагит? Пусть вон Машка тащится! Еще мне не хватало к мусорам на свиданку самому топать...

– Я сказал, ша! – отрезал Тимур. – Никто в полицию не пойдет. Сначала надо самим понять, о чем дурила толкует. А то и проверить...

– Что проверить? – с подозрением посмотрела на мальчишек Машка.

Чуяла: что-то зреет в их взбалмошных головах. Что-то затевается, и это что-то не очень хорошее – уж как минимум для Бориски-то точно.

– Проверить, не брешет ли, – пояснил Тимур. – А если врет, то, как говорится, по всем понятиям. Так сказать, за дачу ложных показаний...

Многозначительную паузу прервал, сообразив, что к чему, Леха:

– Если врет – говно сушеное жрать будет. Сам. Да, Бориска?

– Я не-е-е...

– Идиоты! – топнула ногой Машка, разбрасывая гравий. – Оставьте уже ребенка в покое. Мало ли что он там видел, о чем болтает!

– За язык-то его никто не тянул.

– А тебе что, Леш, больше всех надо? На дерьме совсем помешался, а у самого мозги уже высохли от дряни, которую вы курите!

– Ты не кричи, Мах, – опасливо оглянулся по сторонам Тимур. – А то вдруг и правда кто услышит... Давайте лучше разбираться с инопланетянами этими.

– Нэ-лэ-у-у-у, – захихикал Вагит. Белки глаз у него покраснели, а взгляд расфокусировался. – Нэ-лэ-у-у-у...

– Заткнись, Вага. Слышь, малой, ты их где видел, НЛУ свои?

– За речкой, – с готовностью отпрапортовал Бориска. Толстые губы растянулись в счастливой улыбке, словно он только и ждал, когда же его наконец спросят об этом. – Мы с батей рыбалить ходили с вечера, там и увидали.

– И отец твой видел, получается? – насторожился Леха.

– И батя видал, да-а. Только они его сразу забрали.

– Во заливает, – восхитился помаленьку приходящий в себя Вагит.

– Это не он, это пахан его за шиворот заливает, – хмыкнул Леха. – Видать, и сынка в собутыльники взял, раз уже обоих глючит.

Тимур, наоборот, был серьезен.

– Погодите. А кто-нибудь видел Борькиного отца сегодня или вчера?

– Я видела. Днем, как раз когда они с удочками на речку шли.

– А потом? Потом кто-нибудь дядю Олега видел? Где-нибудь?..

Тимур медленно обвел взглядом каждого. Машка пожала плечами:

– Потом нет, не видала.

– Я же говорю – зеленые его забрали, – спокойно повторил Бориска с таким видом, будто это не ребята его, а он их держал за идиотов.

– Ладно. – Тимур пнул носком изрядно поистрепавшегося кроссовка камушек и махнул остальным. – Пошли! Веди нас, Сусанин. Показывай свое НЛО.

– Не НЛО, а НЛУ...

Первым вслед за Тимуром шагнул Вагит. Притормозил рядом с Бориской, слегка пихнул того в могучее не по годам плечо:

– Чо стоишь-то, веди давай. За речку.

Троица скрылась за углом. Леха задержался, чтобы коснуться Машкиной руки.

– Пошли, что ль?

– Иди куда хочешь.

– Да ладно тебе, Мах... Ну ты чо, серьезно дуешься, что ли? Из-за этого дурачка?

– Да он поумнее вас всех будет. По крайней мере, над людьми не измывается.

– Маш. – Леха виновато потупил взгляд. Оглянувшись через плечо, не видят ли парни, как он гордость свою пацанскую ради Машки смиряет. – Ну мы ж не всерьез. Так, шутим просто... Маш, ну давай, правда?.. Я... Я больше не буду Борьку доставать, честно.

Машка вздохнула.

– Другие теперь достанут. Ладно, пошли... Буду следить, чтоб фигней не страдали и над мальчиком не издевались.

– Над кем, над Борькой? – Леха заулыбался, моментально повеселев. – Да этот бугай сам кого хошь в бараний рог скрутит!

– Фиг с ним, дай затянуться. – Машка потянулась к пряно пованивающему окурку.

– На дорожку пыхнуть решила? Эт правильно...

– Але, любовнички, вы идете или как?! – донеслось из-за угла.

– Один сек, Тимка!..

Минут через пятнадцать друзья выбрались за город. Пересекли пустую дорогу, прошли вдоль кромки заросшего донником и крапивой поля. По синему, как с картинки, небу, громоздясь друг на дружку, ползли белопенные пузыри облаков. Воздух был свеж, и настроение снова стало – к черту уроки, дела домашние. Настроение стало – жить!..

Вот и зеркало речной глади показалось, весело засверкали крылья стрекоз. Бориска повел всех через короткий мост на другой берег, где рябили посреди зелени тонкие стволы березовой рощи.

– Тут, что ль, твое НЛО? – спросил Вагит, спустившись с насыпи.

– НЛУ, – поправил Бориска, уверенно шагая напрямик к деревьям.

– Да погоди ж ты, куда втопил? Вот олень...

Тимур шел следом, последними спускались Леха с Машкой. Леха неуклюже подsunул девушке руку, страхуя от падения. Машка сей джентльменский жест демонстративно проигнорировала и резво сбежала вниз, опередив спутника. Изнутри ее наполняла легкость, и даже колющий репей, царапающий голые икры и колени, нисколько не мешал.

Пробежав так с полсотни метров, Машка и Леха догнали остальных. Они очутились на небольшой округлой полянке, сплошь заросшей высокой, местами по пояс, травой. На другом конце поляны виднелось поваленное дерево, белые в крапинку стволы берез перемежались зеленым кустарником неопределенного вида.

– Ну и? Где твои тарелки, пришельцы и прочая хрень?

– Чо, нет буга? – спросил, отдышавшись после пробежки, Леха. – А я говорил, Тимка! Ой, кто-то будет ща жрать суш... Пхе-пхе! – осекся он, получив локтем в бок от Машки.

– Они тут. Они это... за-мас-ки-рованные.

– Где «ту-ут», даунито? – скривился Вагит, отдирая репей от штанины. – Балабол малолетний, тоже мне – нэлэо, нэлэо... Лучше б в Куреня ломанули, как все!

– Не НЛО, – в очередной раз поправил Бориска, спокойный как столб. – НЛУ...

– Тьфу ты, и правда даун, – плюнул Тимур. – Слушай, малой. НЛО значит «неопознанный летающий объект», сечешь? А НЛУ твое как расшифровывается, а?

Он даже не смотрел на Бориску, всем видом показывая, что вразумительного ответа от мальчишки не ожидает. Но тот ответил:

– У – значит «убъект». От слова «у-би-вает»...

– Да я тя сам щас убью! – рявкнул Вагит, размахнувшись сжатой в кулак рукой.

– Стопэ, Вага! – скомандовала, выдвигаясь ему навстречу, Машка. – Прекратите это немедленно! Он же просто ребе...

И вдруг Леха заорал:

– Машка, беги! БЕГИ, БЕГИ, МАША!

Прежде чем обернуться на крик, Машка успела заметить, как замер с занесенной для удара рукой Вагит. Увидела, как изумленно вытягивается его смуглое лицо, и услышала, как тот выдохнул:

– Ничосе меня торкуло-о...

Сзади послышался шорох листвы, хотя ветра на полянке не было. Машка повернулась и ахнула.

– Кхе-хе-е-е... – прохрипел, заливаясь слюной и желчью, Тимур.

Его ноги в стоптанных во время дворовых футбольных баталий кроссовках вдруг оказались на высоте Машкиных глаз. Она подняла взгляд выше и невольно отшатнулась, чуть не упав в траву.

Тело Тимура парило в воздухе, нанизанное на вытянувшийся из-за березовых стволов тонкий, напоминающий зеленую хворостину, прут. Еще одно – еще одно что, ветка, щупальце?.. – впилося парню в затылок. Глаза Тимура закатились, из носа и ушей заструилась кровь.

Разум Машки отказывался верить в происходящее. Леха подскочил, дернул за руку:

– Валим, Маша, скорее!

Он потащил ее за собой обратно, прочь с поляны, вон из рощи. Мимо застывшего как статуя Вагита – мгновение, и из поваленного в траву березового ствола к Ваге протянулись, будто выстрелил кто, зеленые нити, сразу с десятка. Они вонзились ему в живот и грудь, пронзили глаза... Машка задохнулась подступившим к горлу криком, споткнулась обо что-то в траве и едва не рухнула вниз, на землю. Не упала лишь благодаря Лехе, который в последний момент успел подхватить ее под мышки.

– Бежать надо, Маш, бежать...

– Что... Что, блин, вообще происходит?

Она завертела головой в поисках Бориски, однако мальчика и след простыл.

– Бежим, говорю!

И они побежали – рядами тонких берез, среди которых покачивалось что-то высокое и зеленое, похожее уже не на кусты, а на каких-то неимоверно вымахавших насекомых, богомолов или вроде того.

Выскочив из рощи, Машка увидела впереди белую футболку Бориски – пацан брел посреди травы к насыпи перед мостом.

– Бориска! – закричала она.

Мальчик остановился и посмотрел назад – все такой же спокойный, как и в тот момент, когда объяснял, как правильно расшифровывается его НЛУ. Потом улыбнулся, поднял руку и помахал ладошкой – как будто привет передавал.

Листва за их спинами шумела. Трава вокруг зашумела тоже. Машка увидела, как закачались полевые цветы, стебли которых потревожили стремительные тонкие щупальца. Леха тоже это заметил и отпустил вспотевшую Машкину ладонь.

– Ты чего?..

– Я задержу их, Маш. А ты беги, – сказал ее непутевый парень. И добавил тихо, на прощание: – Люблю тя...

Развернувшись обратно, к березам, заорал что есть мочи:

– Ну давайте! Давайте, где вы там, марсиане долбаные! Ща посмотрим, кто тут дерьмо жрать будет!

И ломанулся напрямик в море зелени, посреди которого покачивались рябые стволы берез.

А Машка побежала. Побежала, не оглядываясь и стараясь не вслушиваться в крики, тональность которых очень скоро сменилась с воинственной на полную боли и ужаса. В слезах погналась за Бориской, футболка которого белела уже совсем рядом с мостом, внизу – там, где покатая бетонная опора спускалась к речке.

Она нырнула туда же, в тень под мостом. В несколько широких прыжков забралась по серой плите наверх и присела в углу рядом со скорчившимся там мальчиком. Бориска дрожал, да ее и саму трясло после всего произошедшего. Но Машка понимала, Машка чувствовала, что ребенку помочь сейчас важнее, чем отдышаться и успокоиться самой. Она обняла Бориску и прижала его кудрявую бычью головушку к своей груди.

– Тише, Борь, только тише, не реви... Нам надо теперь быть очень-очень тихими, чтобы нас не заметили.

Трава у опоры шуршала и росла прямо на глазах. Тонкие зеленые нити поползли по бетону.

– Тише, родной, тише, не плачь, – целовала Машка взмокший от ее собственных слез лоб парнишки.

– А я и не плачу.

Бориска отстранился, и теперь Машка поняла, что до этого его сотрясали отнюдь не рыдания. На лице мальчишки цвела широченная улыбка:

– НЛУ упало. Авария. Топлива не хватает. Вот они и ищут его.

– Кого?

– Топливо. А лучшее топливо для них, лучше бензина всякого или соляры, это вот. – Он постучал себя пальцем по голове. – Мозги. Им много мозгов надо, чтоб улететь обратно. Одних только мозгов моего бати не хватило бы.

Зелень внизу шумела, под мостом воняло сыростью. Машка похолодела от ужаса, так что зубы дробь выбили:

– И ты, значит... нас... привел, чтобы...

– Ды-а, – довольно промычал Бориска. – Ды-а, пусть летают!

И толкнул Машу навстречу волнующемуся зеленому океану.

Бабушка спускается в подвал

О том случае, когда бабушка заперла его в подвале и оставила там, в темноте и сырости, на несколько долгих, показавшихся ему вечностью часов, Алеша никому не сказал – ни родителям, ни Фросе. Хотя Фрося, внучка тети Клавы, ему и нравилась. Но, может, как раз потому он ей и не стал ничего говорить.

Не рассказал он Фросе и про то, что тем летом бывал в подвале еще несколько раз – уже по собственному желанию. Спускался к своим невидимым друзьям, чтобы послушать их жуткие, но увлекательные истории. И следующим летом, когда в спорах между папой и мамой впервые прозвучало слово «развод», сам напросился в деревню. И через год, и позже, когда слово стало делом – долгим, мерзким и бесконечно печальным.

В тайной дружбе с невидимками из подвала ему пришлось признаться позднее, когда баба Нина скончалась.

К тому времени Алеше исполнилось двенадцать, а болезнь бабушки стала заметной уже всем соседям, а не одной только тете Клаве. По деревне прошел слух, что на старости лет баба Нина маненько подвинулась головой, да как-то уж совсем не в ту сторону. Дошли эти слухи и до родителей Алеши, но потом, когда уже ничего нельзя было исправить. Впрочем, родители делили имущество и все равно вряд ли что-либо стали делать, даже если б им сообщили о чудачествах бабушки своевременно. Фрося потом говорила, что, если б не его папа и мама, – ничего бы вообще не случилось. Мол, это все их вина, а вовсе не Алешина. Но этот разговор с Фросей у них произошел лишь спустя много-много лет.

Тогда же Алешу отвезли в больницу, где врачи в белых халатах начали расспрашивать, что да как. Вот тогда-то он, будучи хорошо воспитанным вежливым мальчиком, и объяснил, что вовсе не желал причинить бабушке зла. А что столкнул ее с лестницы вниз и дверь на засов запер – так то Алеша просто хотел, чтобы и она послушала, о чем говорят в подвале...

– А эти голоса, которые вы слышали, – это они вам сказали Нину Павловну ударить табуретом?

– Нет, это я сам, доктор. Ну а как бы иначе я бабушку заставил в подвал спуститься?

– И что же вы думаете, она их тоже слышала?

– Конечно.

– Так уверены?

– Сто процентов. Я же стоял там рядом, под дверью. И все слышал. Истории, которые они ей рассказывали...

– Ей или все-таки вам, Алеша?

– Пожалуй, что нам обоим, доктор.

– Что ж, в таком случае... Может, и с нами поделитесь?

– Это запросто, доктор! Вот, к примеру, одна есть, про пионеров. Вы же знаете, кто такие пионеры, доктор?..

Улица мертвой пионерки

– А куда подевались все жители? – спросил изумленный Егор.

Они сидели на крыше пятиэтажного здания, такого же заброшенного, как и остальные дома в районе, – Егор Казотов и два его новых приятеля.

– Пропали без вести, – ответил Генка Поленов, не по годам крупный паренек. Настолько крупный, что Поленом одноклассники называли его только за глаза. – Исчезли в один прекрасный день, бросив свои вещи.

– Не может быть, – Егор недоверчиво огляделся.

Внизу, нагретая летним солнцем, жужжащая насекомыми, лежала улица города-призрака. Полуразрушенные дома вывалили на тротуар свои внутренности, словно самураи, совершившие хакари. Упавшие стены открыли пустые ячейки квартир. Из трещин в асфальте росли молодые деревья, разросшиеся кусты подступали к темным подъездам. Повсюду высились груды мусора, и одинокий облезлый пес бежал вдоль обочины, отмахиваясь хвостом от мух. Небо над руинами уже окрасилось в багрянец, стало таким же рыжим, как рукотворные горы вдали.

– Да кого ты слушаешь? – фыркнул Саня Ревякин, самый авторитетный из ребят. Он уже закончил седьмой класс, и Егору было лестно, что старший Ревякин позвал его с собой, исследовать окраины города. – Никто никуда не исчезал. Это поселок Южный, здесь раньше жили работники рудника и их семьи. Батя мой отсюда, рассказывал: здесь и садик был, и кинотеатр, и даже стадион для собственной футбольной команды.

Саня свесился с крыши и смачно, по-взрослому, плюнул вниз.

– Под землей залежи руды обнаружили лет десять назад. Решили расширять карьер. Поселок попал в санитарную зону. Шахтеров расселили по новостройкам, а Южный до сих пор не снесли.

– Ясно, – сказал Егор и добавил на всякий случай: – Я так сразу и подумал.

– Было бы чем думать, – осклабился Поленов, пиная покореженную антенну. – А люди здесь правда исчезали. Только позже. И до сих пор исчезают.

Егору захотелось, чтобы Ревякин развеял и этот миф. Поселок, конечно, впечатлял, напоминая о Чернобыле и компьютерных шутерах, в которых герой пробирался сквозь заброшенные города. Но он еще и пугал. Несложно было представить, что за черными провалами окон притаились скользкие, готовые к атаке мутанты. Что одичавшие каннибалы спрятались между зданиями и ждут, потирая животы.

Поселок внушал беспокойство, но куда больше мутантов Егор боялся быть уличенным в трусости.

И он лишь беззаботно отмахнулся от слов Генки, но Ревякин неожиданно подтвердил:

– Ежегодно по три человека как минимум. Дети в основном. Нет, некоторых находят... изуродованными.

Ревякин окинул пристальным взглядом близлежащие дома и сказал негромко:

– Говорят, в Южном призрак водится.

Егор не верил в призраков. С семи лет не верил. Но внутри шевельнулся маленький мальчик, перед сном прикрывающий все дверцы в спальне, чтобы кто-то плохой не смотрел на него, спящего, из щелей.

– Призраков не существует, – сказал он заносчиво.

– Может быть, – проговорил Ревякин. – Может, она и не призрак, а что-то другое...

– Она?

– Хозяйка, – загадочно произнес Ревякин и переглянулся с Генкой. Точно посылал немой вопрос: «Думаешь, ему стоит доверять?» Генка ответил так же, глазами: «Ох, даже не знаю».

– Ну, рассказывайте, раз уж начали, – взмолился Егор. Вспыхнувший интерес отодвинул на задний план холодок беспокойства.

– Ладно, – сдался Саня. – Ты заметил, как эта улица называется?

– Нет.

– Улица Красибиной. В Великую Отечественную войну девочка такая жила. Здесь, в Южном. Пионерка Надя Красибиная.

– Про нее фильм на местном канале крутили, – вставил Генка.

– Точно. «Подвиг Красибиной». Когда немцы город брали, у рудника шли сильные бои. Южный они захватили, но дальше пройти не могли. Наши в карьере засели, с взрывчаткой шахтерской. А девочка эта, Надя, к ним ходила секретной дорогой, связной была. Немцы узнали, схватили ее. Две недели в гестапо держали, каждый день допрашивали.

– Они ей руку отрезали, – вклинился Генка и уточнил: – По локоть.

Егор механически потрогал себя за плечо и ощутил, как на коже выступили мурашки.

– И что? Она не выдала наших?

– А ты как считаешь? Конечно, нет, иначе про нее фильм бы не сняли. Немцы ее на центральной площади повесили. Там сейчас ее статуя стоит.

– Но при чем здесь призрак?

– А при том, что после войны стали люди замечать фигуру странную. Прозрачную. То в парке ее видели, то возле шахты. Девочка в красном галстуке. Одни говорили, что она охраняет улицу своего имени, а другие наоборот. Что, мол, если увидишь ее, то умрешь в течение двух недель. Потом, когда Южный опустел, она сюда перебралась, поближе к домам. Ходит ночами из квартиры в квартиру, смотрит за порядком. И если кто чужой придет...

Санька провел большим пальцем по горлу.

– Да ну, – Егор осторожно улыбнулся, – с чего ей обижать кого-то? Она же хорошей была, нашей.

Произнеся это, мальчик вдруг понял, что оспаривает характер призрака, а не сам факт его существования.

– При жизни – да, – сказал Ревякин, – но теперь она не различает, где немец, а где свой. Ее в гестапо с ума свели пытками. Вот она и забирает всех без разбора, кто в одиночку сюда явится.

– А главное, – Генка понизил голос, и Егор нагнулся к нему, чтобы расслышать, – у нее теперь вместо руки КРЮК!

Последнее слово Поленов выкрикнул, одновременно хватая Егора за ребра и щипая.

Егор взвизгнул как девчонка, а приятели расхохотались.

– Ты это слышал? – утирая слезы, вопрошал Генка. – Слышал этот звук? Казотов, можешь повторить?

– Да иди ты, – насупился и густо покраснел Егор, – я сразу понял, что вы прикалываетесь.

– Ну а чего ж ты верещал тогда? – не унимался Генка.

– От неожиданности...

– Ну хватит, – сказал Ревякин, отсмеявшись, – идем. Скоро стемнеет, а у нас дело есть еще.

– Какое дело? – спросил Егор, но приятели уже шли к распахнутому люку. Они спустились вниз по опасно накренившейся подъездной лестнице. Перил не было. Пол покрывал слой мусора, среди которого лежали открытки и фотографии людей. Улыбающаяся девочка шлет привет из Сочи. Семейная пара держит на руках близнецов...

Теперь это принадлежало мухам.

Егор аккуратно обходил снимки, чтобы не наступать на счастливые лица, а его новые друзья пинали все, что попадалось под ноги, поднимая тучи пыли.

– Так вот, – уже на улице сказал Ревякин, – ты в нашей школе недавно, мы тебя не знаем. Хочешь к нам в компанию – прояви себя. Покажи, что не трус. Нам трусы не нужны.

– Что надо сделать? – предчувствуя что-то нехорошее, поинтересовался мальчик.

– Пустяк. В конце дороги, если направо свернуть, будет ДК, а возле него статуя пионерки. В постаменте есть дыра, мы там прошлый раз пачку «Парламента» спрятали. Принесешь нам пачку, покурим вместе и домой пойдем.

Егор замялся, устремил взгляд на убегающую вдаль улицу. Пес, возившийся в мусоре, испарился.

«Потому что был один, – подсказал маленький мальчик в голове Егора. – Здесь нельзя ходить одному».

– Ну, так что? Шевелишь поршнями?

– Ага, – промолвил Егор.

В компанию ему хотелось. Не так сильно, как хотелось жить, но достаточно сильно, чтобы он оторвал подошвы от потрескавшегося асфальта.

– И поторапливайся, – приказал Генка, – мы вечно ждать не будем.

Егор кивнул и засеменил вдоль пустых домов. В компьютерных играх у него всегда было оружие: мощные лазерные пушки, штурмовые винтовки. На какую кнопку жать, если вон из того здания с размашистой надписью «Здесь прошло мое детство» выберется мутант-переросток?

Чтобы успокоить расшалившиеся нервы, Егор заговорил сам с собой:

– Нашли чем пугать... девочка с крюком! Таким только в яслях пугают. Еще бы про гробик на колесах рассказали или про черную руку.

Стало легче, но, когда он обернулся и не увидел приятелей, дрожь в коленях усилилась.

«Вернись! Вернись! – умолял маленький мальчик. – Все шкафы открыты, темнота смотрит на нас из щелей!»

Но повзрослевшего Егора мучил еще один страх: быть осмеянным.

Он перепрыгнул через поваленный столб и свернул направо. Улица уперлась в небольшую площадь. Кусты сирени охватывали ее зеленым воротником, сходясь возле двухэтажного Дома культуры. По фундаменту из желтого кирпича змеился дикий плющ. На пороге, прямо между колоннами, вырос орех.

В центре площади стояла гипсовая фигура на голову выше Егора. Надя Красилина, некогда белоснежная, а теперь рыжая от пыли с рудников, поднимала руку в пионерском салюте. Ноги расставлены, подбородок задран. В позе столько решительности, что Егор, лишенный этого качества, нехотя залюбовался, хотя даже в своем возрасте понимал, что это не настоящий памятник, а поточная, ничего не стоящая, продукция вроде садово-парковых скульптур.

Лицо условной пионерки, галстук, юбочка до колен – вот и готова героиня Надя.

Егор не спеша приблизился к статуе.

Метровая тумба-постамент придавала ей роста. Девочка глядела сверху, и ее взгляд был грозным из-за чуть нахмуренных бровей и глазных впадин. На лице, казавшемся издали схематичным, проступал характер. Не жизнерадостное по-пионерски, а осунувшееся, истощенное лицо принадлежало человеку, который запросто лишился бы жизни. Пускай не всякого, пускай только фашиста...

Мальчик пригляделся к трещинам, опоясывающим ноги статуи, и удивился, что она до сих пор стоит. Надежные здания обтрепались за десятилетия, а хрупкая скульптура лишь потрескалась и порыжела...

От мыслей Егора отвлек хруст ветки в кустах за сгнившей лавочкой. Он подпрыгнул на месте и с минуту всматривался в зеленые заросли.

«Просто ветер», – сказал он себе и заторопился.

Трещина обнаружилась сразу. Постамент был полым внутри, и сквозь дыру мальчик видел глубокую нишу вроде пещеры.

«Оно там! – подал голос иррациональный страх. – Беги, беги, пока не поздно!»

– Ну уж нет, – процедил Егор и опустил пальцы в трещину. Пусто. Он нагнулся, просунул в каменную тумбу кисть.

Второе Я, боявшийся темноты и веривший в привидений ребенок, зажмурился, ожидая, что вот-вот острые клыки вопьются в плоть.

– Еще немного...

Рука по локоть ушла в трещину. Пальцы нашарили затянутый в пленку предмет.

– Есть! – воскликнул мальчик.

И оно схватило его за кисть.

На этот раз он не завизжал. Лишь выпустил из легких воздух и дернулся назад. Существо-из-постаментов крепко держало его, тянуло к себе, и он вжался лицом в ступню пионерки. Прикосновение к нагретому гипсу отрезвило, странным образом придало сил. Он снова рванулся, и то, что сидело под статуей, отпустило его. Егор полетел назад, успел почувствовать, как нога проваливается куда-то в пустоту. Он рухнул на груды веток, и земля поглотила его.

На площадь выбежал Ревякин.

– Что ты наделал, идиот?

– Я? – недоуменно спросил Генка, вылезая из ниши в постаменте. – Я только держал его за руку, как договаривались. А где он? Смылся?

Генка ойкнул, увидев открытый канализационный люк, раньше замаскированный ветками.

– Он что?.. Вот блин!

Приятель встал над люком.

– Казотов! Не дури, отзовись! Мы не хотели...

Ревякин достал карманный фонарик и посветил вниз. Луч расплескал темноту, обнаружив дно. Пролетевший не меньше четырех метров Егор лежал лицом вниз с вывернутыми под пугающим углом руками и ногами.

– Казотов! – отчаянно вскрикнул Генка. – Ты живой? Скажи, что ты живой!

– Мертвый наверняка. Ревякин был бледным как мел, но его голос звучал ровно: – Пошли отсюда, быстро!

– Что? – не понял Генка. – Куда?

– По домам, – прошипел Ревякин. – Мы ничего не видели, расстались на въезде в Южный. Куда делся, не знаем. Понял?

Генка мотал головой, по трясущимся щекам бежали слезы.

Ревякин сжал его плечо, вдавил ногти в кожу.

– У тебя папка сидел?

– Д-да...

– Брат сидит?

– Д-да...

– Хочешь к брату?

Генка замотал головой сильнее.

– Тогда слушай меня, Полено! Быстро! Домой!

И Полено повиновался.

* * *

Когда Егор очнулся, окончательно стемнело. Он вырыл лицо из листвы, покрывающей дно колодца толстым одеялом. Закашлялся. Пришло осознание того, что с ним случилось. Пер-

вым чувством было облегчение: никакого монстра в Южном нет, это дурак Генка обогнал его короткой дорожкой и устроил засаду. В результате он упал в канализацию и чудом не свернул себе шею. Все обошлось, теперь ребята помогут ему выбраться. А там уж он подумает, стоит ли с ними дружить.

Егор сел и ощупал себя. На лбу обнаружилась шишка, которая при нажатии заставила его издать протяжный стон.

А вот потрогав ногу, он уже вскрикнул в голос. Не сломана, но, вполне возможно, вывихнута.

«Мама меня убьет», – подумал Егор, представив, как явится домой, грязный, побитый, хромающий.

«А надо бы убить Ревякина и Поленова. Где они, кстати?»

Он задрал голову к фиолетовому кругу вверх и позвал:

– Пацаны! Долго вы там! Я сам не вылезу!

Стены каменной трубы впитали крик, приглушили его. Листва, спасшая жизнь, зашуршала.

– Ой-ой! – Егор вскочил, заныл от резкой боли. Подтянул под себя раненую стопу и вновь заорал:

– Саня! Гена! Это уже не смешно! Я ногу сломал!

Кажется, внизу его слышали лучше, чем наверху. Листья, как поверхность болота, пошли рябью, мелькнуло в темноте вытянутое тельце размером с котенка. Длинный хвост.

Егор не боялся грызунов, у него самого жила домашняя крыса по имени Матильда. Но канализационные крысы... Он мало что знал об их поведении, тем более о том, сколько их здесь и насколько они голодны.

Его посетила вызвавшая тошноту мысль: колодец – лишь вершина айсберга. Под ним многие метры спрессованной листвы и тысячи кровожадных крыс. Образ заставил вновь и вновь звать на помощь. Он кричал, пока не охрип, но результат оставался нулевым.

«Они меня бросили, – подумал мальчик, – решили, что я умер, и сбежали, трусы несчастные».

Злость на людей, с которыми он так хотел подружиться, взбодрила.

Он принялся шарить в темноте ладонями, балансируя на здоровой ноге.

– А это у нас что? – спросил он, дергая за торчащую из стены железку. Такие же железки вели к свободе двумя параллельными рядами. Все, что осталось от лестницы. Егор прикинул свои шансы сорваться с ненадежного уступа. Шансы были высоки. Но примерно такими же были шансы просидеть в крысиной норе до утра.

Он сомневался, что так называемые приятели пошли за помощью. Родители, конечно, кинутся его искать уже сегодня, но они никогда не слышали ни о поселке Южный, ни о Саньке с Генкой.

Придется выбираться самому.

Егор поставил больную ногу на первую «ступеньку». Ухватился за следующую, потянул себя вверх, стараясь меньше задействовать вывихнутую стопу. Было больно, однако он перешил себя. Встал на железки обеими ногами и перевел дыхание.

Сопя и фыркая, он продолжил подъем. Высота поддавалась, даже стопа реагировала меньше.

«То-то они удивятся», – подумал мальчик, предвкушая встречу с позорно слинявшими друзьями.

Сердце замерло в груди, когда он потянулся за очередной железкой. Ступеньки закончились. От свободы его отделял метр гладкой и мокрой стены. Непреодолимый метр.

Впервые за время пребывания в колодце ему захотелось заплакать, но не успела влага подступить к глазам, как он услышал:

– Держитесь, молодой человек!

Он послушно протянул руку темному силуэту, возникшему из ниоткуда. Ощутил широкую теплую ладонь. Рывок – и он покинул подземное царство.

Ночь была наэлектризована гулом насекомых, в небе над заброшенным Домом культуры светила щербатая луна.

«Спасен». – Егор попробовал на вкус это слово, и вкус оказался потрясающим. Все еще тяжело дыша, он повернулся к незнакомцу:

– Спасибо! Спасибо вам!

Лунного света хватало, чтобы разглядеть мужчину лет сорока пяти – худощавого, одетого в футболку с логотипом неизвестной Егору спортивной команды. Лицо у него было открытое, приветливое. Над высоким покатым лбом торчали всклокоченные волосы, редкие и мягкие, как у младенца.

Мужчина улыбался и качал головой.

– Ну, вы даете, молодой человек! Сами до верхушки добрались! Я-то вот, – он показал моток веревки, – за канатом побежал.

– Так вы и раньше меня слышали!

– Конечно. Я здесь сливы рвал, гляжу, мимо двое ребят пробежали. Словно привидения испугались. Я за ними прошел до самого шоссе. Потом вернулся назад. Увидел открытый люк, и вы внизу, без сознания. Я вам покричал, вы не шевелились. Ну, я за канатом бросился, у меня здесь склад небольшой, со всем необходимым. Вы как, ничего не сломали?

Егор выпрямился, перенес вес на больную ногу и тут же пожалел об этом. Мужчина заботливо поддержал его.

– Сломана?

– Не, – успокоил Егор, – небольшой вывих.

– Неужто те пострелы вас в люк бросили? Надо в милицию заявить, немедленно!

– Они тут ни при чем, – сказал мальчик, отводя взор. В люк его, конечно, не сталкивали, но часть вины на Генке и Саньке определенно была.

– Чего ж они сбежали? – прищурился мужчина.

– Испугались.

– Эх, слабаки! – Мужчина неодобрительно поджал губы. – Вас как зовут-то?

– Егор.

– Хорошее имя, русское. Означает «землепашец». А я дядя Руслан. «Лев» значит на тюркском. Будем знакомы.

– Будем.

Где-то в районе гранитного отвала посигналил автомобиль. Дядя Руслан заторопился:

– Давайте-ка мы пойдем отсюда. Я вас проведу, я здесь все знаю.

И, подхватив мальчика под локоть, он пошел вперед.

– Не так быстро! – попросил Егор.

– Да-да, извините, – сказал мужчина, но шаг не сбавил. Мальчик оглянулся, чтобы понять, куда они идут.

«Обратно на Красилину, что ли? Да, точно, ДК слева, и скульпту...»

Егор застыл. Нахмурился.

Луна освещала пустынную площадь, увитый плющом Дом культуры. Но статуя исчезла. Только две гипсовые ноги, два обрубка, торчали из постамента.

– Куда делась пионерка? – спросил Егор удивленно.

– Кто? – Дядя Руслан завертел головой.

– Скульптура.

– Упала, наверное. Да бог с ней. Незачем стоять на месте. Мало ли кто бродит здесь по ночам.

Егору не оставалось ничего другого, как только следовать за спасителем. Они вступили на заросшую кленами аллею, и дядя Руслан повеселел.

– Это вам еще повезло, – говорил он на ходу. – В начале весны тут плита перекрытия рухнула, чуть двоих ребят не задавила.

Егор посмотрел на пустые окна домов, на улыбающиеся ему кривые щели в фундаменте.

– У вас есть мобилка? Мне родителям позвонить надо.

– Нет, – развел дядя Руслан руками, – я с такими технологиями не знаком. Это вы, малышня, в технике разбираетесь. У меня сынок младший твоего возраста. Целый день в компьютере сидит, на улицу не выгонишь. Бледный, хилый – эх! Я в его возрасте! Для меня ничего, кроме спортивной площадки, не существовало. Все время на воротах. С семи лет в секции, с шестнадцати в нашей команде местной...

Дядя Руслан погладил себя по груди.

– У нас свой стадион был, играли среди коллективов физкультуры. Хорошо стояли, крепко! По всей стране ездили на товарищеские матчи, на турниры городов горнодобывающей промышленности. С Кузбассом играли, с Тагилом, с Казахстаном, помню. Почти вышли во вторую всесоюзную лигу, представляете? – дядя Руслан мечтательно вздохнул. – Было времечко молодое! На договорном матче вылетели мы, так вылетели, что нас расформировали. А там и города не стало, – он кивнул на руины. – Капиталисты драные.

– Так вы местный?

– Конечно. Сейчас покажу, где я раньше жил.

– Но мне...

Договорить Егору помешала телефонная трель. Вратарь дядя Руслан виновато улыбнулся и достал из штанов мобильник. Прижал палец к губам.

– Алло. Ирочка? Да, конечно. На даче, да. Ага, спать уже буду. Завтра вернусь, да. Все, целую. Целую в лобик, солнышко.

Он отключил телефон и посмотрел на Егора блестящими глазами. Мальчик попятился. Страх сжал горло ледяными пальцами.

– Вы же сказали, у вас нет телефона.

– Обманушка хрюшка, – пропел дядя Руслан и дважды хрюкнул.

Егор побежал. Вернее, заковылял по заваленному мусором тротуару. Бывший футболист догнал его тремя прыжками и схватил в охапку, как мяч. Прижал к груди. Сердце Егора трепетало, норовя выскочить. Рядом тяжело билось сердце лжеспасителя. Мальчик ощутил запах мятных леденцов в жарком дыхании дяди Руслана.

– Попался тот, кто кусался!

– Пустите! – запричитал Егор.

– Ну-ну, не устраивайте истерик. Всё в порядке. Я вас к себе отведу, чаем напою. А там и родителям вашим позвоним, ага.

И он понес мальчика легко, как куклу. Руки у дяди Руслана оказались на удивление сильными, хотя и дрожали.

– Нам сюда!

Он затащил сопротивляющегося Егора в подъезд, поволок по лестнице. Больная ступня стучала о ступеньки, заставляя пленника вскрикивать. Добравшись до второго этажа, вратарь поставил мальчика на пол и ловко связал его руки, а затем ноги. Веревка безжалостно впилась в тело. По глазам Егора ударил желтый луч – это дядя Руслан зажег маленький фонарик.

– Никуда не уходите, – попросил мужчина, толкая пленника в угол. Сам завожился с ключами. Открыл дверь с обвисшей дерматиновой обивкой, но новеньким блестящим замком. По пути к мальчику замешкался, осветил фонарем стену. Какие-то дети нарисовали фломастером паровоз и цепочку вагончиков. Кривая надпись гласила:

«Если ты не галубой, нарисуй вагон-другой».

– Вот черти, – добродушно пожурил дядя Руслан. Плюнул на палец, потер им по побелке и дорисовал свой вагончик.

Справившись, он широко улыбнулся Егору:

– Ну, добро пожаловать, да?

* * *

Мебели в квартире вратаря не было. Здесь вообще ничего не было, кроме пыли, мусора и припиленного к обоям вымпела. Потревоженные гостями мухи недовольно загудели.

– Извините за беспорядок, – сказал дядя Руслан и швырнул пленника на пол.

Под мальчиком захрустела побелка и куски плитуса, протяжно пискнула резиновая игрушка-уточка.

– Что вам надо? – давясь слезами, спросил Егор. – Выкуп?

Дядя Руслан удивленно вскинул брови и искренне рассмеялся.

– Вы пересмотрели голливудских фильмов, молодой человек. Чужие деньги мне не нужны. Я сам заработаю, пусть небольшие, шахтерские, но сам.

Толстая муха уселась на щеку Егора, потрогала лапками стекающую слезинку. Егор мотнул головой.

– Отпустите меня. Я никому не расскажу. Клянусь.

– Ну что вы заладили. Отпустите, отпустите. Я вас не держу. Я просто не хочу, чтоб вы по темноте ходили. Здесь небезопасно. Шайки разные, наркоманы. Утро придет – я вас прямо к дому проведу, может, с родителями вашими познакомлюсь.

«Он врёт, – подумал Егор, – он никого не отпускает».

Дядя Руслан не спеша вытащил из штанов кожаный ремень.

– Вы сами в футбол играете? С вашей-то выносливостью вам на поле цены бы не было. Ну что молчите, играете, а?

Егор разлепил пересохшие губы, чтобы ответить, но дядя Руслан резко хлестнул его ремнем по лицу. Пряжка обожгла щеку крапивной болью. Это было так неожиданно, что Егор забыл расплакаться. Только смотрел на обидчика с изумлением и вскипающей ненавистью.

– Хотите какао? – спросил вратарь, приглаживая пушок волос.

– Зачем вы меня бьете?

Настало время изумляться дяде Руслану.

– Я? Бью? Что вы такое говорите?

И стегнул ремнем так, что пряжка рассекла Егору подбородок и кровь закапала на пол. Мальчик замычал.

– Вас поймают! – вскрикнул он, когда боль утихла.

– Кто? – спросил вратарь самодовольно. – Кто меня поймает? Здесь нет никого, здесь я только есть! Я хрюшка, я неуловимая хрюшка!

В тишине, нарушаемой лишь жужжанием мух и стуком сердца, Егор различил металлический звук. Один едва слышный удар, за ним второй. Не в квартире, но рядом.

Егор посмотрел на входную дверь.

– Жарко здесь, – проговорил дядя Руслан, вытирая несуществующий пот, – я разденусь, если вы не против. Мы же с вами мужчины, не какие-то там. Нам нечего стесняться, верно?

Егор молчал, жадно вслушиваясь.

Звук повторился. Тот же: цок-цок.

Звук стал ближе.

Сомнений не было, кто-то поднимался по подъездной лестнице.

– Что с вами, молодой человек? – насторожился дядя Руслан.

– Вы слышите? – Егор говорил шепотом, словно боялся вспугнуть приближающееся цоканье. – Это доносится из подъезда!

Дядя Руслан поднес ладонь к уху.

Цок-цок.

Железные копытца стучат по ступенькам.

Цок-цок.

Железные копытца ходят по этажу.

– Вы, должно быть, меня разыгрываете! – догадался вратарь. – Маленький вы фантазер!

Цок-цок.

Железные копытца остановились перед дверями.

– Да кому там быть, в самом деле.

Егор знал ответ.

– Это она, – тихо сказал мальчик.

– Она?

– Пионерка. Она пришла за вами.

Вратарь натянуто хохотнул:

– Я думал, вы вышли из того возраста, когда верят в подобные байки. Призрак пионерки!

Ну и ну!

Егор перевел взгляд на своего мучителя, посмотрел ему в глаза и увидел там то, что ему внезапно понравилось. Страх, сидящий глубоко внутри. Маленький мальчик Руслан тоже приходил из секции и закрывал все шкафы, чтобы темнота не следила за ним. Темнота или мертвая девочка...

– Проверьте! – сказал Егор и совершил невозможное: улыбнулся.

– Ха! Запросто! Сейчас схожу посмотрю. А потом мы будем играть. И пить какао. А утром я отведу вас к родителям – вот как мы поступим.

Дядя Руслан подмигнул пленнику и направился в коридор.

– Вот я иду, – проговаривал он свои действия вслух, – вот я у дверей! Вот я спрашиваю: есть там кто? Вот мне отвечают: нет, нет никого, дядя Хрюшка, вы один, дядя Хрюшка.

Он повернул замок и отворил дверь.

Медленно поднял голову.

Опорожнил мочевой пузырь.

Некогда белая, а теперь рыжая рука пронеслась в полуметре от его макушки и ударила в стену. Разлетелась на гипсовые осколки, обнажив каркас – рифленый металлический стержень.

Неспешно, как во сне, вратарь стал пятиться, а ОНА вошла в квартиру.

Ей приходилось пригибаться, чтобы не задевать дверной косяк. Ниже гипсовой юбки вместо ног у нее были два длинных и ржавых прута арматуры. Она двигалась плавно и осторожно, как гимнаст на ходулях. Тонкие палки-протезы отстукивали шаги.

Цок-цок.

Цок-цок.

От статуи остался лишь торс, юбка, голова и левая рука. Девочка-прутики встала напротив дяди Руслана.

– Значит, все правда, – сказал он.

Заменяющий правую руку стержень вонзился бывшему футболисту в щеку под скулой. Он не закричал. Проворачивая прут, пионерка ввинтила железо в череп. Кожа на лице дяди Руслана натянулась, превратилась в подобие мокрого перекрученного полотенца. Прут проткнул голову насквозь, вышел из основания шеи и пригвоздил мужчину к стене. Его глаза закатились, и он обмяк.

Все это заняло не больше минуты.

Статуя выдернула железную руку, позволив трупу упасть, и повернулась к мальчику.

Егор забыл дышать. Парализованный страхом, он смотрел, как приближается голем. Будто жуткая цапля на металлических лапках.

Пионерка вошла в комнату. Нагнулась над пленником. Ее бело-желтое гипсовое лицо отразилось в зрачках Егора. И хотя у статуи не было глаз, она тоже смотрела на него глазами впадинами.

– Я не немец, – сдавленно произнес мальчик, – я свой, я Егор Казотов, я не немец...

Металлическая рука уткнулась ему в грудь.

Егор попробовал зажмуриться, но веки ему не подчинялись.

– Не немец...

Пионерка склонила голову набок. Прут скользнул вниз и освободил кисти мальчика от веревок.

– Я свой, – твердил Егор, не понимая, что произошло.

И она ушла. Не проронив ни слова, потому что рот ее был сжат и запечатан навсегда. В коридоре она поддела прутом дядю Руслана и унесла с собой.

Еще через полчаса Егор нашел силы встать и покинуть дом.

Он шел по городу-призраку, а потом бежал рысцой настолько быстро, насколько позволял вывих. Он знал, что никогда не расскажет родителям ни про бывшего футболиста, ни про пионерку.

Пусть пытаются – все равно не расскажет.

На выходе из города Егора посетила тошнотворная мысль: живая статуя была сном, никто не спасал его, никто не убивал дядю Руслана. И на самом деле Егор до сих пор там, в ужасной квартире, впечатанный в бетон щекой, и что-то тяжелое ерзает на нем, дышит в ухо, стонет и приговаривает, адская боль терзает прямую кишку, слезы обжигают щеки, слюна капает с разодранных губ.

Хватит! – Спасенный Егор мотнул головой и рванулся прочь.

Пускай все закончится так:

Далеко позади, охраняя поселок, стояла девочка-пионерка. Однажды кто-нибудь да заглянет в полый постамент под ее ногами и найдет там не только сигареты. Но пока поселок не ждал гостей. И пионерка салютовала луне окровавленным протезом.

– Иногда истории могут спасти жизнь...

– Иногда они помогают принять неизбежное...

– Показывают тропинку, по которой можно уйти от реальности...

– Спрятаться, спрятаться, скрыться!..

– Мальчику нужно спрятаться...

– Спрятаться, спрятаться, скрыться!..

– Мальчику нужно притвориться...

– Сделать вид, сделать вид, притвориться!..

– Что он не такой, каким его считают...

– Что ему не нужны таблетки...

– Иногда истории учат...

Задание на дом

За шесть лет работы учителем Лена Гаврилова встречала очень разных ребят – и всегда говорила, что каждого из них есть за что любить. Но этот, конкретно этот...

Мальчик был странный.

Стоило ему войти в класс, как неугомонные дети разом затихли, позабыв про все свои неотложные дела. Никто ни у кого не списывал в спешке домашку, не катал шарики из бумаги, не визжал от щекотки, не смеялся и не шушукался. Макс Ветров прекратил щипать соседа по парте, и даже Галя Гришина в кои-то веки сама отложила в сторону мобильник, не дожидаясь, пока Лена выскажет ей отдельное персональное. В полной тишине двадцать пар глаз уставились на новенького, и она могла бы поклясться, что еще ни одного новичка этот класс не встречал таким образом.

Седьмой «Б» не проявлял в отношении Паши Корнилова понятного любопытства – седьмой «Б» насторожился. Как стая зверей при виде забредшего на их территорию чужака.

Нечто похожее испытывала и сама Лена. Легкую неприязнь. Жалость, как к неухоженному щенку-дворянуге. И еще опаску – вдруг укусит?..

– Знакомьтесь, ребята. Это Паша. Отнеситесь к нему хорошо, как вы умеете. – Она сказала то, что обычно говорила в подобных случаях, но на этот раз привычные слова звучали фальшиво. – Паша, сядь на свободное место...

Паша Корнилов направился к пустующим задним партам, провожаемый взглядами новых одноклассников. Спокойный – не столько шел, сколько плыл по течению. Невысокий для своих лет, бледный, темноволосый и темноглазый. Из-за сросшихся над переносицей бровей казалось, что он хмурится. Движения Паши были неторопливыми, но не такими, как у «солнечных» детишек, с которыми Лене иногда приходилось иметь дело. Он не выглядел заторможенным, не спал на ходу. Лена подумала об этом уже во время урока, когда показывала ребятам из «Б» документальный фильм про животных. На экране лисица учила свое потомство охотиться. Возле норы полузадушенный грызун пытался уползти, скрыться от неминуемой участи, а несколько лисят, стелясь по земле, окружали свою жертву.

Паша Корнилов двигался так же, как они, – с ленивой грацией хищника.

Потом у Лены были другие уроки и другие дети. Классные журналы, отчеты, учебные планы. В следующий раз биологию у седьмого «Б» предстояло вести только в пятницу, и про Пашу с его лисьими повадками Лена напрочь забыла.

До вторника.

Во вторник она заглянула в школьную столовую, а на обратном пути задержалась у рамы металлодетектора – рисковала не успеть к звонку, но как же не перекинуться парой слов с Витей Молдаванином?

– Здрасьтеленатольевна! Здрасьте! Здрасьте, здрастье, здрастье...

Мимо промчалась стайка старшеклассниц. Лене они напомнили суетливых галок. Им навстречу, в направлении выхода, шла библиотекарь баба Надя.

– Спокойнее, пигалицы, тетку не снесите!.. Добрый день, Леночка.

– Добрый, Надежда Васильевна. – Лена знала бабу Надю еще с тех пор, когда сама здесь училась. Уже тогда ее прозвали Тортилла, потому что уже пятнадцать лет назад баба Надя казалась большой и древней, как черепаха.

– Привет, Ленуца. Как жизнь молодая? Вся в трудах?

Молдаванин, скучая, теребил в руках черный пенал служебной рации.

– Здравствуйте, Виктор, – ответила она, пряча улыбку.

– Ух, какие мы серьезные! Вишь, брат, как? – блеснул Витя коронкой на зубе, обращаясь к проходившему мимо пятиклашке. – Бегом на урок давай. У тети Лены не забалуешь...

Марина, подруга по педу, все убеждала Лену поискать кавалера поинтересней, да та и сама не хотела служебных романов. Но легкий флирт на перемене, дружеские шутки – разве в этом есть что-то плохое?..

Пару минут они мило общались, пока не раздался звонок.

– Не торопись, Ленуца, – попросил охранник. – Дай своим архаровцам рассестись. Ты ж сегодня до вечера тут?

– Да, вся вторая смена моя.

– Так, может, после работы зайдем куда?..

Традиционный вопрос подразумевал традиционный вежливый отказ, который Лена просто не успела озвучить, потому что в холле вдруг раздался громкий девичий визг – полный неподдельного ужаса.

– Это же мои. Варя из «Б»... – прошептала Лена, уставившись на Молдаванина.

То, что она безошибочно узнала голос ученицы по истошному нечленораздельному воплю, стало для нее самой открытием.

– Класс какой? Аудитория?

Они поспешили на крики. Расписание подопечного седьмого «Б» Лена помнила не хуже самих детей, но сейчас от волнения у нее все вылетело из головы. Какой день-то сегодня? Какой урок по счету?.. Мысли путались, хаотично кружа, как перепуганные воробьи.

– Там! Литература! – вспомнила она, когда в этом уже не было нужды.

Дверь соседнего с ее кабинетом класса распахнулась, в рекреацию выбежала Марина с белым как снег лицом. Вслед за ней вывалилась Варя Хворостова с лицом еще блее, чем у учительницы, – и тут же, согнувшись пополам, вытошнила на пол остатки частично переваренного школьного обеда.

– Варя? Марина Витальевна?.. Марин, что случилось?

Одноклассница по педагогическому лишь махнула рукой в сторону двери. Лена оттащила Хворостову к окну, а Молдаванин в это время забежал в класс. Открывались соседние кабинеты, наружу выглядывали любопытные дети и ничего не понимающие учителя. Лена рывкнула девятому «А», чтобы не покидали кабинет биологии, а сама рванула вслед за охранником.

Остаток дня происшествие обсуждала вся школа.

Вечером, когда все поутихло и люди – что ученики, что преподаватели – разошлись по домам, они с Витей пили кофе у стоявшего в холле автомата и тоже обсуждали случившееся.

– Ну этот ваш новенький, конечно... боец! – качал головой Молдаванин. В голосе слышались нотки восхищения. – Отделал пацана – мама не горюй! Понятно хоть, за что?

– Ветров у нас хулиган, задира... Но я ни капельки не оправдываю Корнилова.

Охранник усмехнулся.

– Это вы, девчонки, так думаете. Что, мол, на обиду нельзя отвечать силой. А некоторые – вроде вашего Ветрова – только язык кулаков и понимают. Я, знаешь, когда сам в армии служил, тоже приходилось...

– Но мы же не в армии. И не в лагере, не в тюрьме.

Перед глазами до сих пор стояла картина, от которой становилось дурно. Перевернутые, разбросанные по кабинету парты и стулья. Гришина, хнычущая у распахнутого окна. Другие девочки рядом, взволнованные. В задней части комнаты, у шкафа с бюстами классиков, собрались мальчишки, окружив кого-то или что-то. Чуть поодаль Паша Корнилов укладывал в ранец учебные принадлежности. Вид у него был настолько спокойный и отрешенный, что Лене даже в голову не пришло, что причиной всего хаоса может быть он. Она пробежала мимо, не глядя, растолкала ошетинившийся мобильниками седьмой «Б». Увидела, кого фотографируют и снимают на видео ребята.

На полу, прислонившись к стенке шкафа, сидел Максим Ветров. Максик, Ветруша, главный двоечник в классе, один из немногих в «Б», кого можно было хоть сколько-нибудь отнести

к «группе риска». Пару раз, разговаривая с ним, Лена чувствовала запах сигаретного дыма, а однажды на перемене он всерьез поцапался с парнем из старших, причем в стычке больше досталось десятикласснику.

Теперь же пострадавшим оказался сам Ветров. Грудь мальчишки тяжело и часто вздымалась, учащенное дыхание было слышно за несколько метров. Глаза прикрыты, посеревшие губы мелко дрожат. Правая рука безвольно обвисла, рукав рубашки потемнел и намок. Витя склонился к нему с телефоном возле уха – вызывал скорую.

Прежде чем Лена успела что-либо предпринять или сказать, хлопнула дверь – Паша Корнилов вышел из класса.

– Родителям-то звонили? – поинтересовался Молдаванин.

– Да. Кстати... – она замялась. Бросила взгляд в окно – школьный двор постепенно тонул во тьме. – Виктор, можно тебя попросить?

– О чем угодно, ленатольевна... О чем угодно.

Лена посмотрела по сторонам. В целях экономии большую часть ламп в школе на ночь отключали, поэтому в обе стороны от поста охраны тянулись слабо освещенные коридоры, полные враждебных теней. Поразительно тихие в сравнении с тем, какими они бывали днем, когда в школьных стенах гремело звонкое многоголосье детей и подростков.

– Ты не мог бы задержаться на час-другой? Подождать, пока я с отцом Корнилова пообщаюсь?

– Без проблем.

– А потом... – Лена коснулась его руки. – Может быть, и зайдем куда-нибудь, как ты хотел. Я была бы тебе благодарна...

– Эй, – Молдаванин сжал ее пальцы и заглянул в глаза, – это вовсе не обязательно, Ленуца. Если не хочешь – не надо никуда идти. Время позднее, я тебя и так провожу. И ты ничем, совершенно ничем мне не обязана.

– Спасибо, – сказала она.

На душе стало спокойнее. Идя по коридору в свой класс, Лена думала, что, пожалуй, плевать на Маринкино мнение – Витя ведь действительно хороший парень. Простой, но надежный. И не беда, что работа у него не бог весть какая престижная. Ей ли нос воротить?..

Она прошла через ряды пустующих парт к учительскому столу, включила лампу. Села там, изучая – в который раз – документы Корнилова. Было в них что-то, что вызывало беспокойство.

Спустя полчаса – она отметила время на циферблате мобильного – пришло сообщение от Молдаванина: «Прибыл, жди». Видимо, Корнилов-старший явился. Лена глянула в сторону приоткрытой двери – и точно, пару минут спустя раздались неторопливые шаркающие шаги, в слабом свете замельтешили по полу рекреации тени.

В дверь негромко постучали, в комнату заглянул незнакомый мужчина в простых серых брюках и шерстяном свитере.

– Добрый вечер.

Она присмотрелась к человеку внимательнее: среднего роста, коренастый, аккуратные черные усы, седина в волосах, темные глаза на маловыразительном лице – сын многим походил на отца.

– Здравствуйте... Что-то вы припозднились, – вздохнула Лена.

– Извините, работа. Хорошо хоть сторож пустил. Так вы, значит, Елена Петровна? – Мужчина казался несколько смущенным.

Впрочем, каково было бы ей на его месте?

– Анатольевна. Знаете... – Лена заглянула в блокнот, чтобы самой не ошибиться. – ... Сергей Николаевич, нам надо серьезно поговорить.

– Для этого я здесь, – он улыбнулся. – Можно присесть?

– Разумеется. Разговор будет, наверно, долгим, – начала Лена. – Вы уже обсуждали с сыном случившееся? Как он объясняет свои действия? Откуда у него такая агрессия?

– Так, перекинулись парой слов. Он у меня парень неразговорчивый.

– Что да, то да... Зато сочинения здорово пишет, – съязвила Лена.

– А что не так с его сочинением?

– Ну... – Она порылась в бумагах. – Я вряд ли сейчас найду... Однако конфликт возник не на пустом месте.

– Над сыном смеялись.

– Это нормально. Седьмой класс, дети... Но он ведь сломал мальчику руку! Вы бы видели...

Отец Паши задумчиво облизнул верхнюю губу. Лена подивилась длине его языка – показалось, что он вытягивался как у собаки. Не к месту вспомнился пошлый анекдот про невзрачного парня, окруженного влюбленными в него дамочками: «Почему меня девки любят? Не знаю, – сказал он и облизнул лицо».

– Как это произошло?

– А? Ну... – она, конечно же, сбилась с мысли. Стала вспоминать, о чем рассказывала Марина. – Это было задание на дом... Простейшая свободная тема! «Кем бы я хотел стать» или что-то в этом роде. Марина Витальевна, она ведет в седьмых русский и литературу, собрала тетради в начале урока и зачитала несколько работ, выборочно.

– И что же?

– Ваш сын написал, что он желает стать... зверем.

Лена подождала реакции. Мужчина молча пожал плечами.

– Написал, что мечтает охотиться по ночам, убивать травоядных и пожирать их, – продолжила она, делая ударения на словах «охотиться», «убивать», «пожирать».

Но гость вдруг рассмеялся:

– У мальчишки переходный возраст! Он мог написать, что хочет стать индейцем. Может, книжек про чингачгуков перечитал?

– Сергей Николаевич... В случившемся нет ничего смешного.

Тот нахмурился. Лена только сейчас заметила, какие у него густые, кустистые брови. У Паши ведь такие же – весь, весь в отца. «От бровей до кончика хвоста», – мелькнула глупая мысль.

– Так его спровоцировали на драку?

– Максим Ветров посмеялся, как и вы только что. Гавкнул, изобразил собаку. А Паша бросился на него, каким-то образом сломал мальчику руку, а еще...

– Что «еще»? Выкладывайте, чего уж там. – Корнилов-старший вновь коротко хохотнул, словно бы услышав что-то забавное. Хриплый, горловой смешок заставил Лену вздрогнуть и бросить быстрый взгляд на дверь – там ли еще Витя? Стоит ли рядом, за углом, прислушивается к разговору? Она надеялась, что да.

– А еще покусал. Серьезно покусал: Ветров в больницу попал с травмами. А ваш Паша просто встал и ушел как ни в чем не бывало.

Мужчина молчал, уставившись в пол. Лена тоже. Она сказала еще не все, но предоставила родителю возможность переварить информацию. К тому же ей и самой была нужна передышка, чтобы справиться с нервами. Наконец Сергей Николаевич поднял на нее глаза – удивительное дело, его зрачки чуть отливали серебром в своей черноте – и тихо сказал:

– И что же дальше?

– Вам грозит серьезное разбирательство. Вся школа на ушах, таких прецедентов у нас еще не случалось... Даже самые опытные работники ничего подобного не могут припомнить.

Она вспомнила Тортиллу. Библиотекарша работала в школе больше, чем Лена жила на свете, навидалась всякого – малолетних наркоманов из неблагополучных семей, избалованных

нуворишей, считавших себя круче любого учителя, юных гопников и рэкетиров, отнимавших у первоклашек карманные деньги. Но даже баба Надя, услышав о том, что случилось с Ветровым, перекрестилась, даром что всегда кичилась сохранившимися с советских времен идеалами и в Бога не верила.

– Милиция?

«Полиция», – подумала Лена, но поправлять мужчину не стала. Сторож, милиция – Корнилов-старший словно из прошлого века сбежал вместе со своими старомодными свитером и штанами.

– И психиатр. Это же совершенно ненормально, такая агрессия... Ведь это же ваш сын! Он, уже не стеснясь, рассмеялся.

– Елена Петровна...

– Анатольевна!

«Он что, специально?..»

– Я его не бью и никак не третирую, Елена Анатольевна, уж поверьте.

– Это вы уже не мне будете доказывать, – раздраженно отмахнулась Лена. – Я смотрела Пашино личное дело...

– И что-то там нашли, как вам кажется?

Лена подвинула к себе нужную папку.

– Вы часто переезжаете с места на место, из одного города в другой. Какая это уже по счету школа? Пятая? Наверно, Паше трудно так. Нелегко каждый раз осваиваться на новом месте, заводить новые знакомства...

– Это все работа. То, чем я занимаюсь, не позволяет семье долгое время жить в одном городе.

– Боюсь, на сей раз вам все же придется задержаться... Но удивляет меня в данных вашего сына другое.

Мужчина насмешливо вскинул свои странные брови. Внутри у Лены вновь стало беспокойно. Что-то она слышала или читала раньше про такие брови, что-то из области старинных поверий, бабушкиных сказок, но вот...

– Что? – неожиданно завершил Сергей Николаевич ее мысль.

Лена вздрогнула от неожиданности и лишь потом поняла смысл вопроса.

– Что вас удивляет? – повторил он.

– Вот, – ткнула пальцем в нужную строчку. – Здесь говорится, что вы снимаете квартиру в доме сто четырнадцать по улице... Я живу в том районе. Там нет дома с таким номером. Там вообще маленькая улица, сотни домов не наберется. Что это значит?

– Интер-ресно...

Мужчина встал. Обогнув парту, медленно прошел к окну. Движения его были плавными, тягучими. На ум Лене пришло сравнение с акулой – сытой, самодовольной белой акулой, с пастью, полной острых треугольных клыков.

Корнилов-старший сладко потянулся, расправив плечи и грудь, так что хрустнули кости.

– Какая же вы любопытная мышка, – сказал не оборачиваясь.

Голос его неувовимо поменялся, стал глуше.

Лена вдруг ясно осознала, что находится в комнате наедине с абсолютно незнакомым ей человеком. Да, где-то снаружи ждал Витя, но услышит ли он ее крик о помощи, если вдруг?..

– Вы заметили? Сегодня полнолуние, – сказал мужчина. – Особая ночь. Даже самые стойкие из нас с трудом сохраняют выдержку. Нам приходится прятаться поодиночке и семьями, чтобы было меньше шансов обнаружить себя. Мы сами растим потомство, а не так, как надо бы, не в стае... Заметаем следы, скрываемся то в одном городе, то в другом. И чаще всего нас выдает полнолуние. Хотя мы и научились справляться с этой проблемой, рыская по окрестно-

стям и свалкам. Ища тех, кто никому не нужен, но все-таки – кровь есть кровь, смерть есть смерть. Пусть это маленькая смерть: если таковых много, на них обращают внимание.

Лена, вжавшись в спинку стула, следила за фигурой у окна. Тело мужчины странно сгорбилось и, казалось, увеличилось в размерах – свитер на нем уже трещал. Волос становилось больше: черная поросль полностью покрыла шею и руки – тоже видоизменившиеся, с укоротившимися пальцами и, наоборот, отросшими и потемневшими ногтями. В оконном стекле отражалось лицо. Лицо, все больше походившее на морду...

– В такие дни... молодняк трудно сдерживать... – отрывисто прорычала морда. – Паша... входит в пору... Слышит зов своей... крови...

Ладонь мужчины с силой опустилась на подоконник, пальцы скривились, сминая пластик. Ногти окончательно превратились в когти. Уши вытянулись. А когда Лена подняла глаза на отражение, лицо Сергея Николаевича вывернулось оскаленной пастью. В сознании наконец всплыло слово: древнее, забытое. Вспыхнуло холодным огнем.

ОБОРОТЕНЬ.

Лена рванулась к двери. Вдогонку раздалось рычание.

Она выскочила в темноту с криком. Там, в конце коридора, далеко-далеко, светился квадрат Витиноного ноутбука, но рядом никого не было видно. Лена побежала к выходу изо всех сил, ломая каблучки на туфлях, подворачивая непослушные ноги. На бегу пыталась звать Молдаванина, хотя голос отказывал и из перекошенного рта вырывались лишь жалкие всхлипы. С грохотом и треском за спиной вылетела дверь под ударом массивного тела, всю мощь и скорость которого учительница боялась себе вообразить.

В темноте она споткнулась о что-то мягкое, словно мешок с песком. Со стоном растянулась на гладком полу. Проскользила по инерции метр, пока не уперлась выставленными вперед руками в стену металлодетектора, покрытую чем-то влажным. Оглушенная, подняла ладонь к глазам и увидела на пальцах кровь. Опустила взгляд ниже – и поняла, что другой ладонью нырнула в дыру на месте живота своего друга и несостоявшегося кавалера. Широко раскрытыми глазами разорванный надвое Молдаванин смотрел на нее, и на его лице застыло по-детски обиженное удивление.

Нечто настигло ее, обрушилось сверху, вдавив в пол, задушило запахом псины – и стало совсем темно.

* * *

...Шершавый влажный язык деловито лизал щеки. Теплый смрад заполнил ноздри, когда Лена пришла в себя. Кот. Это ее кот... Нет. Нет, Тишка умер от старости восемь лет назад, когда она еще в педде училась.

Боль. Ужасно болели ноги. Она попыталась присесть из положения лежа – не получилось, только еще более резкая, пронзительная боль накатила волной снизу, заставила на секунду вновь потерять сознание.

Рядом – во тьме – ворочалось и ворчало нечто вонючее, покрытое шерстью.

Бежать, бежать от него!

Ползти...

Цепляясь за швы в плитке пола, она подтягивала свое тело, сантиметр за сантиметром, куда-то – не важно куда – лишь бы подальше отсюда.

Мохнатая лапа схватила ее за одну из покалеченных конечностей и потянула назад. Боль придала сил, Лена рванулась – и высвободилась.

В темноте раздался смехок:

– Любопытная мышка.

Волчонок с лицом Паши Корнилова прижался мордой к полу и плотоядно заурчал, готовясь к веселой охоте.

- У Паши Корнилова хороший папа...
- У мальчика папа тоже хороший, правда?..
- Хороший, хороший папа...
- Заберет мальчика из больницы...
- Хороший, хороший папа...
- Не даст травить таблетками...
- Мальчик надеется...
- Хороший мальчик...
- Мальчик верит...
- Верит в папу и маму...
- Но послушай-ка вот о чем, мальчик...

Хуже, чем смерть

Граф явился к театру со стороны гавани Уитсби. Черная тень, окутанная лондонским туманом. Длинный плащ, поднятый воротник, цилиндр. Он хорошо питался в пути, но эта девчонка с корзиной фиалок разбудила в нем голод. Ледяной взгляд пронзил цветочницу, через мгновение ее пронзили острые клыки.

– Ты опять смотришь этот ужас? – презрительно сказала мать, заглядывая в комнату Димы Замахина. – Хотя бы изредка выключал компьютер. Знаешь, сколько я плачу за электроэнергию?

– Сейчас выключу, – пробормотал мальчик.

– Выключит он, как же! Был бы жив отец, не позволил бы тебе деградировать возле монитора.

Дима тряхнул головой, словно отгоняя невидимую муху.

– Ладно, я на работу. Ужин в духовке. И я тебя прошу, не до утра!

Дима подумал, что, возможно, больше не увидит мать. Что сказанное им сейчас слово будет последним, которое она от него услышит. Если, конечно, все пройдет, как он задумал. Если...

Хлопнула дверь – мать отправилась на ночную смену. Обошлось без прощальных фраз.

На экране Дракула в исполнении Белы Лугоши изрек:

– Человека ожидают гораздо худшие вещи, чем смерть.

Крупный план inferнального лица. Медленное затемнение.

Через полчаса комнату Замахина окутали сумерки.

* * *

Он покинул квартиру в девять, взяв с собой только фонарик.

На лавочке у подъезда заседала компания старшеклассников.

– Эй, чудик! Дракулино-вампириныш!

Дима не обернулся.

Это все Даша Крапивина – весной он по секрету рассказал ей о своей любви к персонажу Брэма Стокера. Теперь Дашка водится со старшаками, и увлечения Димы стали общественным достоянием.

– Иди пососи у меня, вампир!

Взрыв смеха. И Дима тоже усмехнулся – сам себе, незаметно. Старательно копируя хищную полуулыбку Лугоши.

Новостройкой, в которой жили Замахины, заканчивался микрорайон. Дальше – недостроенный супермаркет, объездная трасса, кедровый лес. Еще дальше – кладбище.

Дима свернул за угол, пересек усеянный мусором пустырь. Остановился, чтобы достать из грудыхлама заранее припрятанный рюкзак. Рюкзак старый, и от него воняет – даже бродяги не позарились бы.

Поток грузовиков несся по трассе. Дима улучил момент и перебежал на противоположную сторону. Впереди шуршали ветками темные силуэты деревьев. За спиной крошечная коробка новостройки, которая пятнадцать лет была его домом.

Он двинулся вперед.

* * *

Дима не стал углубляться в лес. Цель его путешествия была гораздо ближе, прямо под холмом, по которому проходила трасса.

Водоотводный тоннель: сквозь него могла пролезть собака, но не всякая. Не взрослый лабрадор точно. С одной стороны тоннель присыпал грунт. С другой кто-то замаскировал его ветками.

Дима встал напротив тоннеля. То, что с трассы казалось буреломом, вблизи походило на арку, венчающую вход в чужое жилище.

Мальчик раскрыл рюкзак. В нос ударил тошнотворно-сладкий запах. Дима вытряхнул на траву странное содержимое рюкзака: мертвую кошку с оскалившейся мордой и дохлого ежика.

Приношения.

И кошку, и ежа он нашел на обьездной. Животные часто попадали под колеса дальнотбойщиков. Совсем недавно свою смерть нашла здесь сиамошка Лиля, последнее живое существо, которое Дима любил отчетливо и безоговорочно.

Оставив дохлые тушки у тоннеля, мальчик спрятался за деревьями и стал ждать. Комары атаковали его голые руки и ноги, но он покорно отдавал им кровь, не выдавая себя лишним шумом.

По трассе пронесся КамАЗ. Свет фар плеснулся за обочину, вырвав из мрака вход в логово. И фигуру, на корточках ползущую наружу.

* * *

Ночь была летней, теплой, но кожа Димы покрылась мурашками. Не моргая, он смотрел, как Человек-из-Норы приближается к тушкам животных. Черты лица не разглядеть, видны лишь тонкие костлявые конечности, заостренная сверху голова.

Человек замер. Повел шеей.

«Он нюхает воздух!» – догадался Дима.

Худая рука потянулась к приношениям. Схватила ежика. Мальчик вспомнил, как долго отдирает ежа от асфальта, вспомнил брюшко, из которого выдавились зеленоватые внутренности.

Усилием воли он подавил позывы к тошноте.

Человек-из-Норы схватил окоченевшую кошку и, оглядываясь, уполз в тоннель.

Дима смахнул с носа комара.

«Ну же! – он умоляюще смотрел на укрытый ветками лаз. – Прошу!»

Человек-из-Норы слышал его молитвы.

– Эй ты, – хрипло сказал он, снова вылезая на поляну. Руки пусты – приношения остались в логове. – Иди сюда, говорю.

И Дима вышел.

* * *

Человек-из-Норы не носил ни плаща с алой подкладкой, ни цилиндра. Вся его одежда состояла из грязных камуфляжных штанов. У него была костлявая грудь и тонкая дряблая шея, впалые щеки заросли клочковатой бородой. Сквозь редкие волосы проглядывал череп в солнечных ожогах. Кожу покрывали струпы.

Он не был похож ни на Белу, ни на Кристофера, ни на Фрэнка Ланджеллу.

Может быть, немного на Джона Кэррадина, старого и полинялого.
Дима разочаровался.

Он не почувствовал ни исходящего от человека зловещего магнетизма, ни его дьявольской силы.

«А вдруг я ошибся, и он всего лишь бомж?» – подумал мальчик, впервые за вечер по-настоящему испугавшись.

Но в следующий момент у него отлегло от сердца.

Луна выглянула из-за туч, и он разглядел новые детали: пальцы старика (и на руках, и на ногах) заканчивались острыми желтыми ногтями, шелушащиеся губы скрывали частокол клыков.

А еще были зрачки – розовые, как у кролика.

И они многообещающе сверлили Диму.

– Ты кто такой? – рявкнул Человек-Из-Норы. – И зачем ты следишь за мной?

– Я... я Дима, – дрожащим от волнения голосом сказал мальчик, – Дмитрий Замахин. Я живу в том доме за трассой. Я...

– Зачем ты за мной шпионил, я спрашиваю?

Старик начал наступать на Диму, Дима – пятиться. Длинная тень упала на мальчика.

«Значит, тени они все-таки отбрасывают», – подумал он.

– Я не шпионил! Я просто хотел посмотреть... убедиться...

– В чем?

– В том, что вы...

– Кто?

– Вампир!

Это слово гроыхнуло над поляной, как завершающий боксерский раунд гонг. Старик остановился, прищурился. Зрачки его напоминали те рождественские стеклянные шары со снегом внутри, только снег в них был окровавленный.

Старик ждал объяснений. И Дима объяснил.

* * *

– Все началось с Лили. Моей кошки. Ее долго не было дома, а потом я нашел ее труп у трассы. Даже не труп, скелет с ошейником. Череп, кости. Грузовики постоянно сбивают здесь животных, но я увидел кое-что. Она была обглодана. И на костях были странные следы зубов. Будто акульих.

Старик кивнул и облизал языком клыки.

Не два, как у Дракулы. До фи́га желтоватых клыков.

– Я нашел другие скелеты с такими следами. А неделю назад увидел вас. Как вы тянули в логово дохлую псину. Я сначала решил, что вы, простите, сумасшедший, но потом...

– Следы, – заключил старик.

– Да, я увидел, что отпечатки ваших следов перевернуты. Вы шли на юг, а они вели на север.

– Следы всегда нас выдавали, – вздохнул старик.

Теперь он смотрел на Диму с неким подобием заинтересованности.

– Я очень хотел познакомиться с вами.

– Оригинально. Обычно люди нас боятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.